

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

РУСЛАН МЕЛЬНИКОВ
МУРАНЧА

FC FUTURE CORP.

Руслан Мельников
Муранча
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=594945
Руслан Мельников. Метро 2033: Муранча: АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-071720-0, 978-5-271-32925-8*

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра!

Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Карта «Вселенной Метро 2033» неуклонно расширяется, и на ней появляются отметки о все новых выживших. Добро пожаловать в постъядерный Ростов-на-Дону! «Муранча», несмотря на странное свое название, на немного экзотическую локацию – роман сильный и яркий. Однозначно один из лучших в серии. Непохожий на остальные. Увлекательный, но при этом мрачный и лирический.

Содержание

Муранча?!	4
От автора	5
Глава 1	6
Глава 2. Мутанты	14
Глава 3. Казак	21
Глава 4. Инженер	30
Глава 5. Сельмаш	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Руслан Мельников

Метро 2033: Муранча

Муранча?!

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

До сих пор местом действия романов «Вселенной Метро 2033» становились главным образом крупные города – Москва, Петербург, Киев.

Но карта «Вселенной» неуклонно расширяется, и на ней появляются отметки о все новых выживших.

Добро пожаловать в постядерный Ростов-на-Дону!

Когда я впервые услышал об идее написать роман об этом миллионнике, сначала засомневался. Понятно, что всем интересна Москва. Очень многие любят Питер и захотят попутешествовать по постядерной Северной столице. Но Ростов?

Но когда я узнал подробности сюжета этой книги, сомневаться перестал. Решил: надо дать Руслану Мельникову попробовать. Почему бы и не Ростов, в конце концов? Есть же прекрасный «Метро 2033: Север» Андрея Буторина, где все происходит в невообразимой глуши Кольского полуострова, в тундре и в снегах.

И когда я услышал название «Муранча», я, как и вы, переспросил: «Что?!»

А потом я прочел эту книгу. И у меня не осталось никаких сомнений.

Потому что «Муранча», несмотря на странное свое название, на немного экзотическую локацию, – роман сильный и яркий. Однозначно один из лучших в серии «Вселенная Метро 2033». непохожий на остальные. Увлекательный, но при этом мрачный и лирический.

Из «Муранчи» вышло бы хорошее кино, или еще лучше – «старый», рисованный мультфильм. Получилось бы жутко, завораживающе.

Думаю, и вам понравится.

А после «остановки» в Ростове-на-Дону нас ждут Самара – в «Безымянке» Сергея Паля, Шотландия и Англия в «Британии» Гранта МакМастера, нас ждут и Урал, и Дальний Восток, и Индия, и Куба, и Якутия...

Вы не представляете, сколько мы тут всего навывдумывали!

Дмитрий Глуховский

От автора

Проектная документация по строительству метро в Ростове-на-Дону разрабатывалась еще в 70–80-х годах прошлого века. Согласно последним планам развития транспортной инфраструктуры города, строительство метрополитена начнется в 2014 году. Пуск первой ветки должен состояться в 2020 году. Но это официальная информация.

По сюжету книги обстоятельства очень скоро изменятся, и метро в Ростове начнут строить ускоренными темпами гораздо раньше намеченного срока. Возможно, это и есть самое большое фантастическое допущение романа.

Ростовского метро пока нет. Но оно непременно будет. Будет убежищем.

Глава 1

Оленька и Сергейка

Пора...

Илья Колдунов, известный соседям как Колдун, окинул взглядом пустое пространство вокруг себя. Гулкое, необъятное и безлюдное. Таким стал «Аэропорт» – некогда оживленная конечная станция красной ветки ростовского метро, отрезанная теперь от остальной подземки.

Сейчас здесь жил только Илья. И с ним здесь были только Оленька и Сергейка. Больше – никого. Но ведь им больше никто и не нужен.

Костерок совсем погас. Со всех сторон навалилась темнота – густая и вязкая, как кровь жабоголовых. Пялиться в такой мрак – все равно что смотреть с закрытыми глазами.

Скупно щелкнув зажигалкой, Илья запалил простенький самодельный светильник: ржавая консервная банка, старое прогорклое масло на дне, скрученный из ваты фитиль. Маленький потрескивающий огонек на кончике фитилька сносно освещал разве что лицо Ильи. Лицо было бледным и исхудавшим. В глазах, угрюмо глядевших из-под густых бровей, отражался язычок пламени.

Илья не тосковал по свету. Теперь уже – нет. В темноте было даже проще. Подумаешь, ничего не видно в темноте. Зато слышно лучше. Он улыбнулся.

– Оленька? Сергейка? Ну, как вы там?

– Хорошо, пап! – Задорный детский голосок донесся из-за выщербленного края платформы, едва-едва различимого в слабом свете.

– Опять уходишь, Илюша? – Оленька, разумеется, была с ребенком. – Скучно нам без тебя.

Голос у жены – грустный-грустный. Как всегда. С тех самых пор...

– Надо, милая, – вздохнул Илья.

– А может, останешься?.. Сегодня?.. А?.. – Слабая надежда. Привычный вопрос, который Оленька в последнее время задает ему все чаще.

И – такой же привычный ответ:

– Нет, Оленька, извини. Ты же знаешь... Ты же все понимаешь, умница моя.

Тихий вздох. Она все понимала, она с ним не спорила. Никогда.

– Пап, принесешь еще что-нибудь сверху? – Шустренький Сергейка был уже где-то совсем рядом. Почудилось, что из-за края платформы вот-вот покажется белобрысая макушка.

Хотя нет, не покажется. Росточком не вышел, бандит. Мал еще. Ну, разве что если подпрыгнет хорошенько. Или если мать подсадит.

– Не мешай отцу! У него дела, – с неубедительной строгостью попеняла сынишке Оленька. Ни сердиться по-настоящему, ни тем более ругаться она не умела. Особенно на Сергейку.

– Па-а-ап, принесешь, а?

– Принесу-принесу.

Илья не удержался. Шагнул-таки на голос. А ведь знал: не стоит этого делать.

Поднесенный к краю платформы огонек вырвал из темноты не белобрысый стриженный ежик на голове Сергейки и не длинные русые волосы Оленьки, а светлые доски – гладкие, хорошо оструганные. Четыре штуки. Сбитые в два креста. Под крестами, под разобранными рельсами, выковырнутыми шпалами и разбросанной щебенкой – две могилки.

Одна побольше.

Оленька...

Вторая поменьше.

Сергейка...

Они замолчали. Илья вздохнул. Всегда было так. Когда он подходил сюда со светом и видел кресты, они умолкали. Как будто умерли совсем, как будто на самом деле.

Возле Оленькиной могилки синел огромными бутонами букет. Там, наверху, на поверхности цветы иногда встречались такие... Красивые, как глаза Ольги. Правда, растут они в самых опасных местах. Словно специально заманивают.

«Подвляли, – сокрушенно подумал Илья, – надо заменить».

Вокруг детской могилки лежали игрушки. Солдатики, машинки, забавные плюшевые зверюшки, почти целые книжки с яркими картинками. Разбросано все, словно ими действительно кто-то играет в темноте. Илье очень хотелось думать, что так оно и есть. Когда он приносил сверху сынишке новый подарок, Сергейка всегда радовался...

Так радовался!

Ох, Сергейка-Сергейка... Эх, Оленька-Оленька...

Илья присел на край платформы. Поставил светильник рядом. Сердце заныло, В глазах защипало – совсем не по делу. А звук, выщепленный сквозь зубы, походил на сдавленное рыдание.

Нет, так не пойдет. Нужно отвлечься. Срочно нужно хоть чем-то занять себя, руки, мысли...

Занятие у него было. Важное и неотложное. Надо снарядить магазин.

Вчерашняя вылазка на поверхность и мена с орджоникидзевскими принесла россыпь «семерки» на полрожка. На диаспорных базарах, наверное, можно было бы выторговать больше, но чтобы добраться туда, пришлось бы потратить время, которое Илья предпочитал проводить здесь, с семьей. С Оленькой и Сергейкой.

Он выгреб патроны из кармана. Разложил перед светильником на искрошившемся влажном и грязном бетоне. Из потрепанной разгрузки вынул пустой рожок.

Щелк, щелк, щелк... Первый, второй, третий... Остроголовая смерть, тускло поблескивавшая в слабом свете, ладно ложилась в плоскую изогнутую металлическую коробочку.

Пока Оленька и Сергейка молчали, по темному помещению разносились только эти звуки.

Щелк, щелк, щелк... Они, казалось, наполняли собой весь мир, уже заполненный непроглядным мраком.

Мозолистые пальцы Ильи, легко преодолевая сопротивление пружины, привычно задвигали патрон за патроном, патрон за патроном...

Щелк, щелк, щелк... Это в самом деле успокаивало. Медитативная игра со смертью, плотно упакованной в гладких остроконечных металлических цилиндриках, завораживала и расслабляла.

От двух крестов под платформой на стенку в грязных потеках падала тень, похожая на решетку. Оленька с Сергейкой по-прежнему не произносили ни слова. Что ж, иногда полезно просто помолчать вместе.

Сама темнота смотрела сейчас на Илью глазами родных. Илья почти физически ощущал печальный взгляд жены и восхищенный – сына. Сергейка всегда с восторгом наблюдал, как отец возится с оружием. Наблюдал. Когда-то. А что теперь?

Илья вздохнул. Теперь они ушли. Оба. Илья знал это. Но он знал и другое. Они ушли не совсем. Он же слышит их голоса в темноте. Каждый день слышит. Он с ними разговаривает. А они говорят с ним.

Щелк, щелк...

Илья вспоминал, КАК они ушли. Это было тяжело. Но так надо было. Скоро ему предстояло снова подняться наверх. Ему нужно мстить. А в этом деле такие воспоминания очень помогают.

Есть время гнать прошлое прочь и запира́ть память на тяжелые амбарные замки. А есть время призывать его и пропускать сквозь себя, подпитываясь холодной ненавистью.

Илья вспоминал...

* * *

Взрывчатку переносили осторожно. Заряды закладывали аккуратно. Работали без огня, неэкономно расходуя батарейки фонариков.

– Осторожнее, туды ж вашу через колено! Хотите, чтобы всех по стенам размазало на фиг?! Эй ты, сюда канистру клади, рядом с фугасом! Да не так, идиот, шнуром наружу!

Маленький, юркий и крикливый начальник Аэропорта по кличке Сапер почем зря костерил подчиненных. Его трехпалая правая рука мелькала в воздухе, указывая, что и как делать. Отсутствующие мизинец и безымянный палец были не результатом мутации, а профессиональной травмой: в прошлом Сапер действительно был взрывотехником. По крайней мере, сам он так рассказывал. Да и в минном деле Сапер разбирался лучше других.

Крупную партию взрывчатки – пару противотанковых мин, тротилловые шашки, несколько фугасных снарядов и канистр с самопальным аммоналом – Аэропорт закупил в Диаспоре. На тамошних базарах купить можно все что угодно, а то, чего нельзя, клиенты со временем все равно получали под заказ.

Товар обошелся недешево, но тут уж не до жиру. Дальние своды тупикового туннеля, выходявшего сразу за Аэропортом на поверхность – в депо, опасно просели и могли обвалиться в любую минуту, открыв радиации и мутантам доступ на станцию. Разумнее всего было, пока не поздно, самим взорвать опасный проход. Причем, взорвать поглубже и поближе к станции, с таким расчетом, чтобы закупорить его раз и навсегда.

К тому времени, как диаспорские выполнили заказ и доставили взрывчатку, своды возле депо уже начали сыпаться, так что следовало поторапливаться.

Для надежности Сапер решил рвать туннель поочередно в нескольких местах. Первые заряды уже заложили, а оставшуюся взрывчатку на дрезине отогнали подальше – в перегон на соседнюю станцию Поселок Орджоникидзе. Чтобы, не дай бог, не сдетонировало.

– Колдун, принеси еще шнура метра на полтора, а то не хватает, – велел Илье Сапер.

Илья отправился за самодельным бикфордовым шнуром, который диаспорские, не поспушившись, положили в довесок к взрывчатке.

Он вышел из туннеля на станцию. Помахал Оленьке и Сергейке, сидевшим перед костром возле эскалатора.

Вот тут-то все и произошло...

– Жа-а-абы! – донесся из темноты дикий вопль.

Илья вздрогнул. Жабы, или, как еще называли мутантов, выползавших в пасмурную погоду из Дона, «жабоголовые», – это по-настоящему страшно. Если стая этих уродливых, живучих и ненасытных тварей пробралась через прохудившиеся своды депошного туннеля вниз, то Аэропорт обречен.

В туннеле кто-то уже кричал не от ужаса, а от боли. Впрочем, крики быстро обрывались.

А взрыв? Там же все уже готово! И Сапер – тоже там! Подорвать заряды – секундное дело. Правда, придется, наверное, подорваться и самому. Но какая разница? Если жабоголовые все равно уже в туннеле?

Увы, взрыва, который мог бы завалить опасный проход и спасти станцию, не было.

Из туннеля вдруг выскочил Сапер. Наткнулся на Илью.

Глаза у начальника станции были похожи на круглые детонаторы, которые Сапер зачем-то держал в руках. И без того выпученные от природы, в тот момент глаза его, казалось, вовсе вылезли из орбит. Лицо – перекошено. Тонкогубый рот – разъявлен. Узкий лоб и приплюснутый нос блестят от пота.

– Жабы в туннеле! – брызжа слюной, истошно проорал Сапер. – Всем к бою-у-у!

И юркнул куда-то в сторону.

Больше из депошного туннеля не выбегал никто. Из людей – никто.

– Гуру-гуру-гуру, – звучало во мраке зловещее гуканье.

Слышалось чавканье. Хлюпанье. Быстрое влажное шлепанье. Все ближе. Ближе...

Илья схватил автомат.

* * *

Щелк, щелк, щелк...

Вдавливая в магазин патроны, Илья представлял под своими пальцами вытаращенные перепуганные глаза Сапера. И вспоминал искаженное страхом лицо начальника станции. Ох, с каким бы удовольствием он всадил бы сейчас в эту мерзкую рожу весь магазин! Ведь если бы Сапер тогда не струсил. Если бы взорвал депошный туннель. Пусть даже вместе с собой...

Но Сапер туннель не взорвал.

* * *

Был скоротечный бой. Нет – бойня. На границе света и тьмы мелькали огромные зобастые жабы головы и плохо различимые склизкие пупырчатые тела, переваливающиеся через край платформы. Шлепали по бетону и щебенке ластообразные лапы мутантов. Аэропортовские судорожно и вразнобой, больше вслепую, на звук, палили из ружей и автоматов. Кричали женщины, визжали дети. И...

– Гура-гуру-гуру... – Монотонный глухой звук разносился по станции.

Длинные языки тварей выстреливали из темноты, сбивали мечущихся людей с ног, оббивали их, как липкие хлысты, и выдергивали одного за другим. Жабы утаскивали орущих жертв подальше от костров и с жадным урчанием пожирали добычу в темноте.

Атакующие мутанты почти не обращали внимания на свист пуль и визг рикошетов. Густая черная кровь обильно забрызгивала стены и пол, но монстры продолжали охоту. Жабоголовых трудно убить: для этого нужно попасть точно в маленький мозг, укрытый за широкой и крепкой черепной коробкой. К тому же жабы практически не чувствуют боли.

Взрыв все-таки прогремел. В самом начале боя. Только рвануло не в депошном туннеле, откуда лезли жабоголовые. Взорвалась дрезина с взрывчаткой, оставленная на перегоне между Аэропортом и Орджоникидзе.

Взрыв был мощным. Единственный туннель с двойным железнодорожным полотном, связывавший Аэропорт с метро, обвалился. Взрывная волна вынесла на станцию горячий пыльный воздух. Рухнувшие своды засыпали нескольких человек, пытавшихся найти спасение в туннеле. Впрочем, оставшиеся на станции люди тоже были обречены. Пути к отступлению у них больше не было.

Илья, Оленька и Сергейка успели подняться по эскалатору к гермоворотам. Наверное, в тот момент они рискнули бы даже выйти наружу без защитных костюмов, противогазов и респираторов. Да, пожалуй, рискнули бы. Если бы из-за тяжелых створок тоже не доносилось приглушенное «гуру-гуру».

На эскалаторе им удалось продержаться дольше других. Когда внизу, возле освещенного костром пространства, угадывалось движение блестящего тела какой-нибудь твари, Илья стрелял экономными – в два-три патрона – очередями, стараясь попасть в голову. Удавалось попадать именно туда или нет, понять было трудно, но темные фонтанчики жабьей крови брызгали часто.

В какой-то момент у Ильи даже появилась надежда на спасение. Жабоголовые начали возвращаться в депошный туннель, утаскивая с собой недожранную добычу. Но, видимо, какой-то твари добычи не хватило.

Влажная голова, усеянная уродливыми наростами, возникла в свете угасающего костра под самым эскалатором. А в «калаше», как назло, закончились патроны.

Длинный жабий язык мелькнул в воздухе. Влажный щелчок над плечом и...

В первый момент Илья решил, что целью мутанта является он сам, однако язык твари обвился вокруг шеи Сергейки, высунувшегося из-за спины отца.

Потом – рывок, сдавленные хриплый вскрик. Еще Илья отчетливо слышал, как хрустнули позвонки.

Только что сынишка стоял рядом, а в следующий миг тварь уже выдернула его. Тело мальчика безвольной куклой запрыгало вниз по эскалатору. Неестественно вывернутая светленькая головка, болтающаяся на сломанной шее, как на веревке, билась о ступеньки.

Ольга, оттолкнув Илью, бросилась за сыном.

– Сере-е-ежа! – Казалось, от ее пронзительного крика обрушатся своды станции.

Тварь оставила Сергейку и перехватила на полпути хрупкую женскую фигурку. Захлестнула языком вокруг талии, тоже сдернула с эскалатора. Падая, Оленька ударилась головой об острый край, не прикрытый резиновым поручнем. Сразу обмякла. Затихла.

Илья различил в полутьме, как темное и раздутое пупырчатое тело навалилось на лежавших рядом жену и сына. Проклятая тварь казалась продолжением и порождением мрака, который хотел втянуть и растворить в себе Оленьку и Сергейку. Послышались отвратительные чавкающие звуки.

– Мра-а-азь! – Бесполезный автомат полетел вниз, грохоча по ржавым ступеням эскалатора.

Жаба прервала трапезу. Огромная уродливая бородавчатая голова снова смотрела вверх. На Илью. Зоб ходил ходуном.

– Гуру-гуру-гуру! – утробно гукала жаба. Будто смеялась над ним.

Большие выпученные глаза, отражавшие багровые отблески затухавшего костра, словно спрашивали: сам спустишься или как?

Илья спускался сам. Вынув из поясных ножен армейский штык-нож, он шел по ступенькам вниз.

Три ступеньки, пять, семь...

Язык твари выстрелил снова. Длинное, липкое, влажное и упругое обвило левое плечо и грудь. Дернуло...

Раза три или четыре его сильно ударило об эскалатор. Потом – о бетон. Илье удалось не потерять сознание, не выронить нож и не запаниковать.

Полсекунды, не больше, его волочило по грязному шершавому полу, как на аркане. Этого времени хватило, чтобы собраться...

Илья взмахнул ножом за миг до смертоносного жабьего поцелуя. Отсеченный конец липкого языка упал на пол, извиваясь, словно жирный розовый червяк. Оставшийся обрубок мгновенно втянулся в пасть твари.

Отвратительная морда мутанта была совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Огромные удивленные глаза смотрели на него.

– Гуру, – озадаченно изрекла жаба. Из широкой пасти сочилась черная кровь.

Мерзкое отродье пятилось с изуродованных тел, открывая то, что осталось от Сергейки и Оленьки.

– А-а-а! – Илья бросился вперед.

Нанес удар.

Нож вошел в правый глаз жабоголового. Глаз лопнул, потек, но Илья не выдернул клинка. Наоборот. Навалившись на склизкого монстра, он впихнул кулак еще глубже в глазницу, в череп. Надеюсь, очень надеюсь достать острием ножа мозг твари.

Он достал.

Тварь издохла.

На станции осталось еще с полдесятка мертвых жаб, подстреленных аэропортовцами. Остальные, насытившиеся и довольные, отступали тем же путем, откуда пришли, волоча за собой добычу про запас.

Илью это не устраивало. Жабы должны сдохнуть все. Или убить его.

Схватив чей-то автомат с полным магазином (какой-то бедолага так и не успел сделать ни одного выстрела), Илья шагнул в депошный туннель вслед за тварями. В непроглядном мраке висело усиленное эхом «гуру-гуру-гуру». Снова что-то шлепало, чавкало и урчало. Но на этот раз – удаляясь от станции.

– Куда?! – крикнул Илья в чернильную тьму. – Наза-а-ад!

– Да... да... да... – тут же откликнулось эхо. – Ад... ад... ад...

Гуканье стало громче. Быстрое шлепанье приближалось опять. Жабоголовые возвращались.

Илья нажал на спусковой крючок калаша. Длинная-длинная очередь, выпущенная наугад в замкнутом пространстве туннеля, заглушила все прочие звуки. В уши словно кто-то вложил вату.

А потом...

Потом грянул взрыв. Яркая вспышка полыхнула далеко впереди. В лицо ударила пропитанная гарью воздушная волна. Илью выпихнуло из туннеля на станцию. Глухота стала полной. Голова гудела. В ушах звенело.

Видимо, какая-то шальная пуля угодила в заряды Сапера. Илья не рассчитывал на такую удачу, он даже не думал об этом, но получилось как получилось. Своды рухнули. Разом обвалился весь туннель, оказавшийся гораздо менее надежным, чем предполагал Сапер. Во второй раз жабы из темноты так и не вышли.

Надсадно кашляя и ничего, абсолютно ничего, кроме неумолкающего колокола, в голове не слыша, Илья поднялся на ноги. Его сильно шатало и мутило. Мысли путались.

Но еще нужно было сделать одну вещь. Последнюю. Самую.

Прислонив горячий пламегаситель автомата к подбородку, Илья до боли зажмурил глаза. Ну, все! Прощай, Оля. Прощай Сергей. Или, может быть, здравствуйте?

В голове что-то оборвалось. Палец нажал на курок.

Сухой щелчок. Осечка...

– Не делай этого, Илюша, – тихо попросила жена.

– Оленька?! – Его словно ледяной водой окатило.

Илья открыл глаза. Темно. Слишком темно...

– Не нужно этого делать. – А голос ласковый такой, спокойный, чуточку печальный. И так легко пробивается сквозь гудение в голове и вату в ушах.

– Разве тебе не в кого больше стрелять?

«Не в кого? Разве не в кого?» – тупо повторил он про себя, осмысливая Оленькины слова. И ведь что интересно: она говорила не там, где лежало ее тело... То, что осталось от ее тела. Нет, сейчас Оленька была где-то совсем рядом.

Где?

Вокруг – крошечный мрак, но казалось, протяни руку и...

Илья руку протянул. Пошарил вокруг. Никого. Только холодный шершавый бетон нависающей над ним платформы.

– Пап, не надо, пожалуйста, – заканючил невидимый Сергейка. – Не стреляй, ладно? В себя – не надо.

«В себя не надо»... Илья улыбнулся. Что ж, в себя он не станет. Теперь – нет. Зачем теперь-то, когда ясно, что Оленька и Сергейка не умерли.

Во всяком случае, не умерли до конца.

* * *

Щелк, щелк... Патрон за патроном. Патрон за патроном... Илья отвлекся от воспоминаний. Болели пальцы. На подушечке большого, впихивающего «семерки» в магазин, намечалась новая мозоль. Странно. У него ведь не было столько патронов.

Илья невесело усмехнулся, поняв, в чем дело. Желая продлить успокаивающую медитацию, он просто вытаскивал уже вложенные патроны и снаряжал магазин заново. И даже не замечал этого, действуя на полном автомате.

Интересно, сколько времени он провел за этим занятием?

Судя по ноющим пальцам – немало.

* * *

Уже позже Илья узнал, что кроме него со станции спасся только один человек. Сапер. Как оказалось, начальник Аэропорта, хорошо представлявший, чем чревато нашествие жабоголовых. Выскочив из депошного туннеля и отдав команду «к бою», сам сразу же сквозанул в другой туннель – на Орджоникидзе.

Сапер уцелел лишь потому, что за его спиной на перегоне между Аэропортом и Орджоникидзе весьма кстати рванула дрезина со взрывчаткой. А ведь взрывчатка сама собой не взрывается.

Прикрывая свой отход и спасая свою шкуру, Сапер попросту замуровал остальных наедине с жабами.

Впрочем, он ненадолго пережил людей, которых оставил умирать.

Соседи, у которых надеялся поселиться бывший начальник Аэропорта, Сапера не приняли. Более того, на Орджоникидзе – станции буйной, известной своими вольными нравами, шумными притонами и скорым на расправу народом, – возмущенная общественность свершила самосуд.

Саперу выдали старый противогаз с фильтром, выработавшим свой ресурс, и пистолет с единственным патроном. Затем выставили на поверхность. Хочешь – сразу стреляйся сам. Хочешь – отстреливайся от мутантов, чтобы потом все равно подохнуть.

Какой вариант выбрал Сапер, так и осталось тайной. Но сталкеры с Орджоникидзе вскоре нашли окровавленные ошметки его защитного костюма, растерзанный противогаз со смятым фильтром, пистолет и стреляную гильзу.

Люди в Аэропорт больше не пришли. Никто попросту не верил, что можно выжить на самой окраинной станции, отрезанной от остального метро. А вот Илья жил.

Его не понимали, его сторонились и чурались, его откровенно побаивались. И даже в его старое прозвище Колдун вкладывали теперь новый смысл. Но Илье было плевать.

С ним были Оленька и Сергейка. И за них нужно было мстить. Мечь стала смыслом его жизни. Мечь помогала жить и поддерживала в трудные минуты.

«Разве тебе не в кого больше стрелять?» – спросила его в тот страшный день Оленька.

Было в кого, еще как было! Посчитаться с Сапером Илья уже не мог, но объектов для мести с избытком хватало и без него. На поверхности – сколько угодно. Те же жабоголовые. Да и не только они.

Жабы являлись лишь частью того зла, которое загнало людей под землю, которое заставило зачать и родить Сергейку в вечном мраке, которое лишило сына нормального детства и которое в итоге отняло у Ильи семью.

Иногда его просто распирало от желания вывернуть наизнанку весь этот паскудный мир. Поэтому он и выходил каждый день на поверхность. Поэтому главной целью его вылазок было не собирательство, как у остальных сталкеров, а охота, отстрел и уничтожение. Это создавало хоть какую-то иллюзию полезности его существования.

Раньше мутантов, хозяйничающих наверху, Илья ненавидел и боялся, как все. Теперь страх ушел. Теперь осталась одна только ненависть.

Теперь пусть они боятся его.

* * *

– Ну, все, дорогие мои, я пошел...

Бросив прощальный взгляд на кресты, Илья отступил от края платформы. Освещая путь масляным светильником, он направился к эскалатору.

Как только кресты и могилки растворились во мраке, Сергейка и Оленька заговорили снова.

– Пап, принеси, что-нибудь. Не забудь, ладно?

– Обязательно, Сергейка.

Илья обошел грибные плантации в старых заплесневелых ящиках. Их было немного: ему одному много не требовалось, а Оленька и Сергейка вовсе обходились без пищи.

– Илюша, возвращайся поскорее, пожалуйста. Я так волнуюсь, когда ты уходишь.

– Я ненадолго, милая. – Он улыбнулся.

Надел противогаз и перчатки. Набросил на голову и затянул капюшон сталкерского плаща.

– Совсем-совсем ненадолго. – Голос из-под тугой резины зазвучал глухо, как чужой. – Быстро обернись. Я только туда и обратно.

Илья еще не знал, как сильно он ошибается.

Глава 2. Мутанты

Осеннее солнце светило немилосердно, как в летний полдень. Если бы не затемненные окуляры противогаза, глазам, привыкшим к темноте подземелья, было бы бо-бо...

Что ж, зато видимость отличная.

Расположившись на четвертом этаже полуразрушенной свечки-многоэтажки, Илья наблюдал за аэропортом. В его распоряжении имелся давно и удачно выменянный монокуляр от мощного армейского бинокля с увеличенным удалением выходного зрачка. Такую оптику можно использовать через стекло противогазной маски. Илья и использовал.

Прежде чем удаляться от метро, следовало проверить опасные участки, а аэропорт был самым опасным.

Монокуляр давал неплохое приближение. Илья тщательно изучал каждый фрагмент пространства, не упуская из виду ни одной детали.

Здание аэровокзала с обвалившейся крышей. Уцелевшая лишь наполовину VIP-зона. Огромный бетонированный пустырь, заляпанный темными пятнами помета. Разрушенные терминалы. Потрескавшиеся взлетно-посадочные полосы. Самолеты...

То, что от них осталось.

Проржавевшие фюзеляжи, отвалившиеся крылья и обвисшие хвостовые плоскости. Салоны железных птиц облюбовали для себя совсем другие птички. Теперь в самолетах гнездились «черные пилоты». Летающие монстры, в которых мутировало обычное городское воронье.

Побитые клювами, исцарапанные когтями, почти лишившиеся защитного покрытия самолеты, целыми днями стоявшие на солнцепеке, выполняли функцию инкубаторов. В душной парилке за грязными запотевшими иллюминаторами созревали яйца и возились птенцы. Каждый новорожденный птенок был размером с человека. Взрослая особь была похожа на бандитский черный джип с крыльями. Обычно «пилоты» кружили над аэропортом и примыкающей к нему территорией, бродили по взлетке или сидели, нахохлившись, на ржавых фюзеляжах. Однако сегодня небо было чистым. И что удивительно, на земле Илья тоже не обнаружил ни одной твари. Наверное, стая дорвалась до какой-то крупной добычи за аэропортом – в Александровке. Или, может быть, улетели к Дону на водопой. Воды этому отродью требовалось много, но никогда раньше они не бросали свое потомство без присмотра.

Скорее всего, кто-то все-таки остался на страже в развалинах терминалов или в аэровокзале. Но «черных пилотов» в аэропорту явно было немного, и пока они себя никак не обнаруживали.

Что ж, какова бы ни была причина, Илья не огорчился по поводу отсутствия опасных соседей. Раз он не видит аэропортовых монстров, можно было надеяться, что и они не заметят его. И слава богу!

Ему лишь дважды удавалось подстрелить это отродье. И оба раза сам он спасался лишь чудом. Издали «пилотов» не взять даже автоматной пулей: толстое упругое оперение защищает их не хуже бронежилета, а в ближнем бою погибнуть самому шансов гораздо больше, чем убить или хотя бы ранить крылатую тварь. Мутировавшее воронье ничего не боится, набрасывается стаями и способно растерзать в клочья любого противника.

Таких птах можно сбивать разве что из гранатомета. Или решетить крупным калибром счетверенной зенитной установки. У Ильи, увы, нет ни того, ни другого. А появляться на открытом пространстве возле гнездовья «пилотов» с одним калашом было равносильно бессмысленному самоубийству.

Самоубийство в планы Ильи не входило. Он поднимался на поверхность мстить, а не умирать.

Он должен уничтожить рыскающих по Ростову тварей как можно больше, прежде чем они убьют его. Бесконечная охота-мсть – вот весь смысл его оставшейся жизни.

На территорию аэропорта Илья не совался и на яйца в инкубаторах-самолетах не покушался. Пока, во всяком случае, он не видел надежного способа туда добраться. Когда этот способ найдется, он непременно туда наведается. Но не сейчас. Не сегодня.

Сегодня хорошо было бы обогнуть аэропорт на безопасном расстоянии, двинуть на юг, выйти к Дону и поискать жабоголовых. Но что, если там действительно хозяйничает стая «пилотов»? Нет, охотиться на земле в ожидании нападения сверху – это все-таки не самый лучший вариант.

Тогда куда идти? На север – через непролазную зеленку и Орджоникидзевский поселок? Или на запад – в Сельмашевские кварталы?

Оленька и Сергейка молчали. При свете они с ним не говорили, и надеяться на советы жены и сына сейчас не стоило. Дорогу нужно было выбирать самому.

Илья решил отправиться на восток по резервному, редко использовавшемуся маршруту. Собственно, почему бы и нет? Он давно уже не появлялся в «Меге» – крупном торговом комплексе, расположенном за городской чертой. А ведь там всегда можно было и мутанта подстрелить, и найти что-нибудь полезное – для себя или на обмен. Да и Сергейке он обещал принести гостинец.

От аэропорта к «Меге» путь не очень долгий. Хотя и небезопасный, конечно. Но в окрестностях пока вроде бы все спокойно. И вроде бы можно идти. Спрятав монокуляр в поясной подсумок и сняв автомат с предохранителя, Илья покинул укрытие.

Охота началась.

* * *

Странно. Очень-очень странно... На улицах – пусто. Ну, то есть совсем. Абсолютно. Да когда такое было?! Словно все мутанты враз вымерли.

Илья ничего не понимал. Он добрался до выезда из города, не встретив по пути ни одной твари. «Пилоты» шороху навели, что ли? Неужели аэропортовская стая вылетела поохотиться в том же направлении, которое и он избрал для себя? Но раньше восточные окраины не особенно привлекали воронье. Здесь, конечно, тоже есть чем поживиться, однако добыча будет недостаточно многочисленной и крупной для целой стаи.

Выйдя к Новочеркасскому шоссе, Илья решил все же хорошенько осмотреться, прежде чем продолжать путь. Он остановился у городской границы и укрылся за монументальной плитой, эту самую границу обозначавшей. Часть плиты – та, к которой некогда крепились барельефы орденов, присвоенных Ростову, – была отколота. А на оставшейся... «Ростов-на-Дону» – кричала огромными буквами надпись на плите. И уточняла буквами поменьше: «Город воинской славы».

Выпуклые буквы были выщербленными, потрескавшимися и искрошенными. Первая литера отвалилась вовсе, оставив после себя лишь едва различимый на бетоне след, так что нынешнее название города можно было прочесть как «остов-на-Дону».

Илья невесело усмехнулся.

«Остов» города-миллионника, областного и окружного центра, ворот Кавказа, порта пяти морей и прочая и прочая, являл собой печальное зрелище. Безлюдные улицы. Полуразрушенные здания, зияющие провалами пустых окон, дверных проемов и пробитых в стенах брешей. Смятые машины. Целые районы, захваченные буйной растительностью. И голые

кварталы-пустыри, в которых, наоборот, по неведомой причине вымирало подчистую все живое.

Илья снова вытащил монокуляр.

В небе над шоссе «черных пилотов» видно не было. Уже лучше: атаки с воздуха можно не опасаться. Признаков жизни, впрочем, пока не наблюдалось и на земле.

Впереди располагался покосившийся блокпост контрольного пункта милиции и трасса М-4 «Дон». Слева – рынок «Алмаз». Справа – овощной рынок.

Несмотря на отсутствие явной угрозы, Илья медлил. Огромные базары с их непролазными лабиринтами разрушенных павильонов, магазинчиков, ларьков и контейнеров, в которых мог затаиться кто угодно, представляли немалую опасность. На некогда оживленной трассе, забитой искореженными автомобилями, тоже запросто можно было нарваться на неприятности.

Он выждал несколько минут, в очередной раз осматривая окрестности. Ничего. Никого... Илья решился. Ощущая под резиной сталкерской перчатки спусковой крючок «калашникова», он шагнул на шоссе.

Ноги в тяжелых армейских берцах осторожно ступали по потрескавшемуся асфальту, глаза и ствол шарили по трассе и обочинам.

Илья проверял каждую машину, мимо которой проходил. Внутри ржавых металлических коробок со сгнившими колесами лежали обглоданные человеческие кости и отравленные мумифицированные тела, которыми брезговали даже падальщики. Трупов Илья не боялся. Но среди останков могло прятаться кое-что пострашнее.

Движение на трассе он заметил, когда заглядывал в помятый «жигуленок». Далеко впереди среди помятого транспорта мелькнуло пятнистое, словно одетое в камуфляж тело – сильное, гибкое, стремительное.

Существо практически не пряталось, но передвигалось так быстро, что сразу разглядеть его оказалось непросто. Пока было ясно лишь одно: виляя между машинами и перепрыгивая через них, оно бежало прямо на Илью.

А впрочем, куда ему сейчас еще бежать-то? Только к попавшей в поле зрения добыче. Но большой вопрос, кто тут чья добыча.

Илья поднял автомат. Так... Голова, отдаленно похожая на собачью, три пары лап... Хм, незнакомый вид. Пришлая, видать, тварь. Не местная. Хотя какая разница? Мутант он и есть мутант! И все они достойны только одного.

Смерти.

Илья почувствовал, как привычно вскипает ненависть. Та особая холодная ее разновидность, что переполняет все существо, но при этом остается подконтрольной разуму.

Тварей он ненавидел люто, всей душой. Всех тварей без исключения. И всех без разбора.

Поймать в прицел пятнистое тело оказалось сложно: шустрая попалась зараза... Тратить впустую патроны, которых и так было немного, не хотелось. Илья решил подпустить шестилапого пса поближе.

Ждать пришлось недолго.

* * *

Мутант замер метрах в двадцати от него, положив передние лапы на ржавый капот искореженного «мерса» и прижав уши. Принюхался. Оскалился, продемонстрировав клыки – гораздо более внушительные, чем обычные собачьи. Заглянул в лицо человеку. Приготовился к последнему броску.

Видимо, тварь была непуганой: автомата она не боялась совсем. Что ж, очень кстати. Илья взял на мушку крупную песью морду.

Кажется, мутант все же почуял опасность. Дернулся было в сторону. Но – поздно!

Илья выстрелил.

Сухой отрывистый звук короткой автоматной очереди разнесся над шоссе. Голова мутанта взорвалась, забрызгав остов иномарки мозгами и кровью.

Три стреляных гильзы, выплюнутые из экстрактора, поскакали по асфальту. За Оленьку! За Сергейку! Ну и за него, Илью, тоже за отнятое у него счастье.

Он улыбнулся. Хорошо... Счет открыт. Сегодняшний день уже не пройдет даром.

За рекордами Илья не гнался. Пара-тройка тварей за вылазку – вполне достаточно. В таком деле лучше меньше, но чаще. Смысл его охоты заключался в регулярном и расчетливом истреблении мутантов, а не в кровавой мясорубке, в которой проще погибнуть, чем выйти победителем.

Шестилапый оказался не один. Похоже, эта особь лишь отвлекала внимание, пока остальные...

Илья едва не пропустил еще две пятнистые тени, метнувшиеся к нему одновременно справа и слева: противогаз все-таки ограничивал периферийное зрение. Но твари, на свою беду, выдали себя шумом. Нет, сами смысленные псы во время атаки не рычали и не издавали никаких иных звуков. Но когда мутанты перескакивали через машины, их когти гулко стукнули по ржавому металлу. И тут уж Илья сориентироваться успел.

Тварей, атаковавших с флангов, встретили еще две очереди. Каждая – в пяток патронов. Один мутант с разорванной бочиной, визжа и суча всеми шестью лапами, сразу укатился за обочину. Второго удалось остановить лишь добивающей очередью – уже в заключительном прыжке. Пули вспороли псу горло, грудь и брюхо за мгновение до того, как зубастая пасть вцепилась в противогазную резину и ворот сталкерского плаща.

Уже безжизненная туша врезалась в Илью и чуть не сбила его с ног.

Так... Три мертвых псины. А сколько патронов осталось в рожке? Проверить Илья не успел.

Из-под грузовика со сгнившими протекторами выскочила четвертая тварь. Лишняя пара лап ничуть не мешала ей двигаться, наоборот – приумножала толчковую силу.

Снова закашлял автомат. Но даже пунктир кровавых фонтанов и вырванных клочьев шерсти, прочерченный калашом вдоль хребта мутанта, не смог остановить зубастого уroda.

Пасть клацнула у самых ног Ильи. Он чудом увернулся от смертоносного капкана и отскочил в сторону.

Тварь с перебитым позвоночником скользнула мимо Ильи, оставляя в пыли широкий кровавый след.

Добить!

Сухой щелчок возвестил о том, что магазин пуст.

А вот это уже плохо, очень плохо. Это значит, что возвращаться домой придется с НЗ. Илья быстро сменил магазин. Теперь у него оставался последний десяток патронов, и путь назад вдруг показался таким длинным.

Раненый и парализованный пес щерился в нескольких шагах от него, но опасности, похоже, уже не представлял. Тратить на него пулю Илья не стал – сам сдохнет. Его сейчас больше волновало другое. Что, если он перебил еще не всю стаю? Илья опасливо оглядел шоссе. Нет, больше никакого шевеления поблизости не было. Поблизости – нет, но вот вдали...

Илья остолбенел.

Что за дьявольщина?!

Шоссе оживало, на глазах превращаясь в выходящую из берегов реку.

* * *

Еще одна собачья стая? Да нет, не одна. И не только собачья. Несколько стай. Много стай, состоящих из мутантов самых разных видов. Ни с чем подобным Илья еще не сталкивался.

За первой группой тварей мчится следующая. За ней – еще одна. И еще, еще, еще... Монстры лавируют между ржавыми автомобильными остовами и перехлестывают через машины.

Со стороны Новочеркасска и Аксая на Ростов сплошной волной надвигались мутанты. По шоссе, по обочинам, по разросшимся вдоль трассы непроходимым лесополосам, по заброшенным полям, покрытым жестким колючим кустарником и непролазными сорняками. Знакомые, и не очень, и вовсе незнакомые твари. Десятки. Сотни...

Илья с тоской глянул на бесполезный автомат. Что такое сейчас десять патронов НЗ? Да будь при нем хоть крупнокалиберный пулемет с полным коробом боепитания, да хоть установка залпового огня, вряд ли он смог бы отбиться от этой накатывающейся на город волны.

– Оленька, Сергейка, простите, – пробормотал Илья.

А взгляд уже судорожно искал укрытие.

Машины? Выбитые стекла, проржавевшие насквозь кузова. Нет, там уцелеть шансов не будет.

Милицейский блокпост? Он уберег бы от пуль, но что делать, когда мутанты попрут через бетонные блоки и посыплются сверху? Блокпост тоже не годится.

И надежных строений, в которых можно было бы отсидеться, поблизости нет. Вот разве что...

Илья бросился на территорию «Алмаза». На рынке его тоже могла ждать смерть. Но то, что валом валило на Ростов, не оставляло выбора.

Илья заметался по торговым рядам.

Сюда? Не пойдет. Слишком хлипкий павильон.

Может, сюда? Опять не то: в магазинчике с добротными кирпичными стенами зияют разбитые окна, да и крыша вон вся обвалилась.

А если здесь? Да, вот здесь!

Контейнер. Большой, длинный. Помятый, но вроде бы не совсем еще прогнивший и довольно прочный на вид. Металлические створки кажутся надежными. С автоматом наизготовку Илья ввалился внутрь. Пошарил стволом по сторонам. Никого. Только кучи истлевшего тряпья в темном нутре контейнера. Когда-то это барахло было товаром. Что ж, можно сказать, ему повезло.

Илья захлопнул двери, сунул между скоб автоматный приклад. Вот так. Теперь выковырнуть его отсюда будет непросто. Теперь он хорошо спрятался. И это не было трусостью. Это был трезвый расчет. Чтобы продолжать охоту на мутантов потом, нужно было выжить сейчас.

Тяжелые створки контейнера закрылись на удивление плотно. Осталась лишь узкая щель. Света в нее попадало мало. В глубине контейнера сгустилась привычная темнота, почти такая же плотная и непроглядная, как в метро.

Живая волна между тем достигла Ростова. Уже слышались истошные вопли тварей, грохот сминаемого металла, топот тысяч ног... лап... копыт... Из контейнера ничего видно не было. Да и выглядывать наружу не особенно хотелось.

Судя по доносившемуся снаружи шуму, поток разделялся. Кажется, основная масса мутантов двинулась по проспекту Шолохова напрямик на Аэропорт. Но часть свернула вправо и через рынок устремилась дальше – к поселку Орджоникидзе.

Что-то гроыхнуло сверху: какая-то тварь запрыгнула на контейнер, в котором прятался Илья. Потом что-то ударило в дверь. Контейнер тряхнуло. Едва не сломался приклад-засов. На рифленой поверхности металла появилась отчетливая вмятина.

Однако по-настоящему внутрь ломиться никто не стал.

Вскоре все стихло. Илья отвернулся от узкой полоски света у запертых дверей. Взгляд уперся в темноту.

– Они ушли, Илюша, – сказали ему из мрака.

Оленька снова была с ним.

– Пап, здесь нет ничего интересного, – прозвучал разочарованный голос сынишки. – А ты обещал принести что-нибудь.

Да, ничего нет. Да, он обещал. И вообще, надо бы уже выходить...

Илья вышел.

Справа что-то скрипнуло. Звук донесся из торгового павильона – того самого, в котором он сначала хотел укрыться, но забраковал по причине ненадежности.

Илья машинально вскинул автомат.

Открытая дверь. Которая, между прочим, прежде была закрытой. Темнота за дверью. В темноте намечилось движение. Из мрака выступила размытая фигура.

Чудище какое-то!

В прицеле калаша появилась уродливая голова. Гладкая, лысая с выступающей вперед массивной челюстью. Крупное бесформенное тело с наростами на груди и на боку. Что-то торчит из-за правого плеча и болтается на левом бедре. Одна рука с тонким длинным и изогнутым отростком – длиннее другой.

– Э-э-э! – гулко, почти по-человечески завывало существо, вскидывая обе руки – длинную и короткую.

Илья едва не нажал курок. И...

И опустил оружие.

* * *

Из павильона выходил не мутант. Сталкер.

Противогаз. Фильтр. Мешковатый защитный костюм. Разгрузочный жилет. За плечом – автомат. На груди – бинокль в футляре. На боку – противогазная сумка. Слева – длинные ножны. Пустые. В правой руке – обнаженная шашка, которую Илья принял в полумраке за изогнутый отросток. На прорезиненных штанах – красные полосы. Не кровь, нет – грубо намалеванные лампасы.

По лампасам и шашке Илья, собственно, и опознал знакомого.

– Казак?

Это был сталкер-разведчик с дальних западных станций красной ветки, частично занятых казачьими дружинами.

Несколько станций, расположенных в Западном жилом массиве, были отрезаны от остального метро довольно протяженной эстакадой, выходящей на поверхность в районе Вокзальной. По этой причине «западники» жили обособленно, но все же старались не терять связи с внешним миром и формально принадлежали к сообществу красной линии. Отношения с другими станциями – не только с красными, кстати, но и с синими – «западники» поддерживали лишь благодаря своим отчаянным сталкерам.

Казак, например, колесил по всему городу на инкассаторском броневишке – то ли чудом сохранившемся после Войны, то ли тщательно восстановленном. Причем сталкер на бронированном «коне» собирал не только полезные вещицы, но и информацию обо всем, что творится в Ростове. Изолированные западные станции нуждались в ней не меньше, чем, например, в патронах.

Порой Казак добирался даже до Аэропорта. И как оказалось, заезжал еще дальше.

– Колдун? – глухо прозвучало из-под противогаза. – Что ж ты людей-то на мушку берешь, г-хэть твою мать?!

Характерное басовитое донское «гэканье» Казака было лучше всякого пароля.

– А не фиг к людям из темных углов подкрадываться! – буркнул Илья в ответ.

– Ладно, не кипешишь. Не стрельнул – и добре!

Казак вынул из противогазной сумки грязную тряпицу, аккуратно обтер шашку и вложил клинок в ножны.

А вытирать-то было что: Казак, похоже, рубился с мутантами врукопашную. Крепко его, видать, тут прижало.

– Патроны есть, Колдун?

– Аж десять штук.

– И то хлеб, – вздохнул Казак. – У меня вообще нема, голяк полный. Два полных рожка потратил.

Казак огляделся:

– Ушли твари, а?

– Ушли, – уверенно кивнул Илья. Ему еще в контейнере об этом сказала Оленька. И он ей верил. – А что с твоими колесами стряслось?

– А? – не расслышал сталкер.

– Тачка твоя где, спрашиваю?

– Да здесь она, родимая, недалече. – Казак хмыкнул. – В ДТП я, типа, попал. Врезался. Айда за мной – подсобишь малость.

Глава 3. Казак

«Недалече» оказалось за территорией рынка и, вообще-то, на изрядном удалении. Тяжелый приземистый броневик лежал на крыше. Левая водительская дверца – открыта. Рядом – россыпь стреляных гильз и пятна крови. Кровища, судя по всему, из кого-то хлестала как из десятка свиней. Правда, кого поливал огнем Казак, непонятно: раненные мутанты то ли уползли сами, то ли были утащены другими голодными тварями.

Илья обошел машину. Ого! По правому борту шли четыре глубокие борозды, почти разорвавшие броню.

Очень похоже на следы когтей.

Дела... Илья тихонько присвистнул. Что ж это за монстр должен быть, который ударом лапы переворачивает бронемшины и оставляет такие отметины? И какой крепости должны быть у него когти?

– ДТП, говоришь? – переспросил Илья. – Так это ты врезался, Казак, или тебя врезали?

– Ну, врезали.

– Кто?

Или уместнее будет спросить «что»?

– Была тут одна зверюга, – отмахнулся Казак. Из-под противогазной маски вырвался нервный смешок. – Раньше таких не встречал. Нездешняя, видать. Пришлая.

Видно было, что вспоминать о встрече со «зверюгой» ему не хочется. Илья окинул взглядом стреляные гильзы и решил не напрягать человека.

– Откуда мутанты идут, не знаешь? – перевел он разговор на другое. – Не было ведь раньше у нас таких.

– Не было, – согласился Казак. – Только ведь они не того... не идут, Колдун. Бегут они. Драпают со всех ног.

Верно! Илья вспомнил недавний гон по Новочеркасской трассе. Это была не какая-нибудь миграция. Это было паническое бегство. Сейчас Илья не удивился бы даже, если бы вдруг узнал, что шестилапые псы напали на него потому лишь, что он столбом стоял на их пути и первым открыл огонь.

– И важнее не то, откуда они бегут, а то, почему. Или нет, не так. – Казак мотнул головой. – От чего бегут твари – вот что сейчас важно. – И, вздохнув, добавил: – Прут с востока, волнами, через весь город. Короче, разобраться надо, что это за великое переселение такое. Собственно, я поэтому здесь.

– Понятно, – кивнул Илья. – Думаешь, пришлые от чего-то спасаются?

– Ага. И сами спасаются, и наших ростовских уродов заодно выносят.

– Вот как? – Илье припомнилась и непривычная пустота в небе над аэропортом, и безжизненные улицы.

– Это ж такие твари, Колдун... – Казак сделал рукой неопределенный жест. – Нам с тобой не чета. Они нутром чуют, если где жареным пахло.

Жареным? А если и в самом деле?..

– Может, пожары идут? – предположил Илья.

– Может, пожары, – пожал плечами Казак. – А может, и нет. Я лучше тебе скажу, что сам видел и чего от людей слышал.

– Ну-ну?

– «Черные пилоты» над аэропортом не летают.

– Знаю, – кивнул Илья.

– Жабоголовые из Дона не лезут.

Так, а это уже интересно...

– На Зеленом острове и на левом берегу тоже никого не видно. Вообще, прикинь! Даже в бинокль.

Странно... Вообще-то раньше там кишмя кишело. Собственно, только Дон и жабоголовые удерживали от массового вторжения в Ростов мутировавшую фауну, расплодившуюся в невероятных количествах на Зеленом и на заливных лугах Левобережья.

– У нас на Западном «студенты» куда-то пропали, – продолжал Казак.

«Студентами» жители западных станций называли мутантов, облюбовавших для себя общежития студенческого городка и расположенные поблизости университетские факультеты. Илье со «студентами» встречаться пока не доводилось: дальше Вокзальной они не забирались, но судя по слухам, это было жуткое полуразумное зверье, терроризировавшее весь Западный жилой массив.

– «Ботаники» ушли, – перечислял Казак.

Обитатели Ботанического сада, превратившегося в настоящие джунгли, тоже изрядно отравляли жизнь «западникам». Даже самые безбашенные сталкеры предпочитали обходить их логово дальней дорогой.

– На Темере «китайцы» исчезли...

«Китайцы» – маленькие, желтокожие, зубастые и злобные существа, похожие на лисиц, – оккупировали микрорайон Темерник и устраивали на примыкающем к нему необъятном Восточном рынке брачные игры с шумным лаем. На пути их многочисленных стай тоже лучше было не вставать.

– «Вертолетчики» затихли...

О «вертолетчиках», занявших ростовский вертолетный завод и его окрестности, Илье было известно только то, что они есть и что никто еще не возвращался с их территории живым.

– На Северном кладбище, говорят, вурдалаки закапываются в могилы и склепы.

О вурдалаках Илье тоже знал мало и только понаслышке. Эти немногочисленные медлительные и вялые падальщики обитали за Северным жилым массивом на необъятном городском некрополе. Известно было, хотя и не достоверно, что вурдалаки раскапывают старые могилы и вроде бы питаются тем, что в них осталось. Илье не особенно в это верил: ну в самом деле, что там могло остаться после стольких-то лет? Однако многие были убеждены, что вурдалаков интересует не органика даже, а нечто иное, невидимое и неосязаемое, что после разложения человеческого тела впитывается в могильную землю. Впрочем, и свежатинкой «гробокопатели» не брезговали. Если кто-то из сталкеров сдуру приближался к кладбищенской территории, этого безумца можно было смело записывать в невозвращенцы.

Сами вурдалаки, правда, за пределы некрополя выходили крайне редко. Видимо, им и там хватало места. Если верить Книге рекордов Гиннеса, ростовское Северное кладбище являлось до Войны самым крупным в Европе. Впрочем, сейчас, когда вся планета превращена в сплошное кладбище, этот сомнительный рекорд не имел уже никакого значения.

– Даже крыс в метро не стало, – закончил Казак. – Будто потравили всех.

А ведь действительно, крысы куда-то подевались. Раньше на Аэропорте Илье постоянно слышал возню и попискивание грызунов, многие из которых, кстати, достигали размеров крупной кошки. Несколько раз он даже вынужден был от них отбиваться. Но в последнее время крысы беспокоить перестали. Особого значения этому Илье не придал, однако в свете прочих событий...

М-да, новости, следовало признать, были тревожными. Казак вкратце обрисовал ему цельную картину, которую прежде Илье воспринимал лишь фрагментарно. И картинка эта не радовала.

– Грядет что-то, Колдун, – вздохнул Казак. – И, боюсь, нехорошее что-то.

– Хуже, чем есть, все равно не будет, – буркнул Илье.

В самом деле, что для него-то может быть хуже, после случившегося с Оленькой и Сергейкой?

И все-таки на душе было беспокойно.

– Думаешь, не будет? – задумчиво переспросил Казак. – Ну, дай бог, дай бог. Ладно, заболтались мы тут с тобой. Помоги с машиной.

* * *

Вдвоем при помощи рычагов и лебедки они поставили перевернутый броневилок на колеса. Пристроив болтающуюся на поясе шашку между креслом и дверцей, Казак уселся за руль.

– Подбросить до аэропорта? – с видом заправского таксиста предложил он. – Я все равно еще в этом районе покручусь – может, выясню чего. Так что садись...

Ладонь в сталкерской перчатке хлопнула по пассажирскому сиденью.

Вообще-то, общество словоохотливого Казака уже начинало тяготить Илью. Впрочем, ему сейчас было бы, наверное, внапряг любое общество: за последнее время Илья слишком привык к одиночеству. И все-таки возвращаться одному, пешком, с каким-то десятком патронов в автоматном рожке по улицам, на которые в любой момент может нахлынуть новая волна тварей, было не очень разумно. За броней оно все-таки как-то безопаснее.

Илья залез в инкассаторский броневик.

Казак завел двигатель. Машина тронулась с места.

Они медленно и осторожно (лихачить на городских улицах, засыпанных обломками и забитых гниющими автомобильными остовами, нельзя было даже на танке) двинулись обратно к Новочеркасскому шоссе.

– А ты, значит, все мстишь? – снова начал разговор Казак. Он принадлежал к породе тех людей, которые просто физически не могут долго молчать. – Охотишься?

– Охочусь, – коротко ответил Илья.

– Шел бы ты лучше к людям, Колдун. А то живешь на своем Аэропорте как бирюк. Совсем ведь одичаешь.

– Как хочу, так и живу.

– Эх, чудаков-людей! Мертвых ведь все равно не вернешь.

Илья промолчал. Развивать тему эту ему хотелось меньше всего.

Казак пожал плечами и...

– Мать вашу! – резко остановил машину. – Опять поперли!

Действительно, по шоссе и окрестностям на Ростов снова надвигалась кишащая река спин, конечностей, оскаленных морд. И пожалуй, сейчас мутантов было даже больше, чем в прошлый раз. Живая волна быстро приближалась. Совсем скоро она выплеснется на проспект Шолохова и устремится к аэропорту.

Казак решил не рисковать и не соваться под этот каток.

Он сдал назад. Развернулся. Погнал в сторону поселка Орджоникидзе. Броня – это, конечно, хорошо, однако, как уже понял Илья, она тоже не всегда и не от всего спасает.

По пути Казак задел несколько ржавых машин, но, увы, набрать нужной скорости так и не смог: здешние улицы тоже не годились для быстрой езды.

А волна тварей уже захлестнула город. Мутанты разом заполонили все пространство. Они теперь были повсюду. Самые разные твари, словно вырвавшиеся из чудовищной кунсткамеры, бежали рядом. За бронестеклами мелькали морды, бока, спины и хвосты существ, которых Илья никогда не видел раньше. Кто-то просто проносился мимо, кто-то перепрыгивал через машину, а кто-то кидался в атаку и норовил цапнуть за броню.

Какая-то тварь – Илья так и не успел ее толком разглядеть – бросилась на лобовое стекло и отлетела в сторону, оставив после себя кровавую кляксу. Броневи́к сбил и переехал еще одного приземистого монстра, покрытого от головы до кончика хвоста толстыми острыми шипами. Колеса подпрыгнули на нем, как на кочке. И...

Хлопок.

Правое переднее лопнуло. Да и заднее, похоже, тоже. Тяжелую машину перекосило, повело в сторону. По асфальту застучали обода. А еще через секунду броневи́к уткнулся в грудку бетонного мусора, громоздившегося перед высоткой с осыпавшимися верхними этажами. Двигатель заглох.

– Приехали! – процедил Казак.

По его тону Илья понял: запасок в машине нет.

А если бы и были – как менять колеса в такой обстановке?

Огромное, похожее на носорога существо с разбегу садануло по бронированной дверце толстым наростом на морде. Броневи́к тряхнуло с такой силой, что Илья едва не помял о приборную доску фильтр противогаза.

– Мы здесь у тварей как бельмо на глазу, – в сердцах пробормотал Казак.

Действительно, мимо пробежало несколько клыкастых чудовищ. Одно, не останавливаясь, на бегу вцепилось в левое переднее колесо и вырвало изрядный кусок протектора.

Снова бросился в атаку «носорог». Еще один мощный удар пришелся в район двигателя. Открылся и вздыбился капот. Казака крепко приложило о руль.

– Ох, лучше бы убраться у них с дороги, – тряхнул головой сталкер. – А то помнут, блин, как кильку в банке!

Илья не спорил. Наверное, так сейчас действительно лучше.

Третий удар... Броня на левом борту заметно прогнулась.

Казак попытался завести заглохший мотор и хотя бы на ободах отползти в сторону. Однако машина заводиться не хотела.

– Все, – вздохнул сталкер, – звездеч!

– Казак! – Илья указал на подъезд с обвалившимся козырьком и распахнутой настежь ржавой металлической дверью, на которой еще виднелись остатки домофона. Подъезд полуразрушенной многоэтажки казался сейчас более безопасным укрытием, чем броневи́к, стоявший на пути у обезумевших мутантов. По крайней мере, «носорожья» туша туда не протиснется.

Правда, в подъезд еще нужно будет прорваться.

Казак понимающе кивнул:

– Ты готов, Колдун?

Илья передернул затвор автомата:

– Готов.

Похоже, пришло время потратить НЗ.

На потом откладывать нечего – не будет никакого «потом».

– Бежим на счет «три». Раз... – начал считать Казак.

* * *

– ...три! – Они выскочили из машины одновременно.

Прокляту́щий «носорог» тут же утратил интерес к машине и повернул свою массивную голову к людям.

Илья не стал дожидаться атаки.

Короткая очередь в три патрона. Почти в упор. Слава богу, какая-то из пуль попала в глаз чудовищу.

Толстые ноги монстра подломились. Туша с самосвал размером рухнула на броневик. Но из-за кучи битого кирпича и обломков железобетонных плит уже выскочили старые знакомые. Вернее, новые. Ведь сомнительное счастье завести это знакомство Илье выпало только сегодня.

По краю улицы бежало с полдесятка шестилапых псов. И неслись они прямо на людей. Илья истратил оставшиеся патроны. Уложить всю стаю, увы, не удалось. Двое мутантов прорвались.

Казак рванул из ножен шашку. Обнаженная сталь блеснула на солнце. Хр-р-русь! Собачий череп раскололся надвое.

Хр-р-рясь! Откатилась в сторону срубленная голова второго пса. Реакция у Казака, надо признать, была отличная, да и рука набита неплохо.

Они втиснулись в подъезд. Илья с грохотом захлопнул за собой дверь и обеими руками вцепился в ржавую скобу.

Казак с шашкой наголо выглянул на засыпанную мусором лестницу.

Грязные стены, облупившаяся штукатурка... Раньше в таких местах можно было запросто нарваться на затаившегося хищника. Но теперь, похоже, действительно всех ростовских мутантов выметало из города. В подъезде пахло пылью, сыростью, влажным бетоном и запустением. Но главное: здесь никого, кроме них, не было. Да и снаружи тоже пока никто не ломился. Мутанты вихрем проносились мимо броневика и валявшихся рядом трупов. Лишь несколько тварей ненадолго задержались, чтобы разорвать на куски дармовую добычу.

– Пойдем наверх, – предложил Казак. – Глянем оттуда, что происходит.

Илья снова использовал бесполезный уже автомат в качестве засова. Заперев подъездную дверь, они поднялись на пятый – самый верхний из уцелевших этажей.

При иных обстоятельствах лезть сюда было бы полнейшим безрассудством: на небольшом открытом пятнышке не отбиться от «черных пилотов». Но «пилоты» в небе над Ростовом больше не кружили.

Сверху хорошо видна была царившая на улицах суматоха. Через город кто-то будто прокачивал мутный, грязный поток – как ошалелые, по улицам и улочкам без конца перли мутанты. Одиночки, группки, стаи.

Бесчисленные твари растекались по кварталам, петляли между домами, перебирались через баррикады автомобильных остовов и перевернутых автобусов, продирались сквозь разросшуюся городскую флору. Все они двигались в одном направлении. С востока на запад.

А далеко-далеко на горизонте, в той стороне, где восходит солнце...

– Эт-т-то еще что такое? – Казак вытащил из футляра бинокль и поднял его к окулярам противогаза.

На востоке что-то темнело. Какое-то непонятное, пугающее пятно. Словно грозовая туча опустилась с неба и легла передохнуть на землю. Нет, не передохнуть... Туча клубится, растет...

«Дым, что ли? – подумал Илья. – Неужели правда пожары? Или, может, пыльная буря?»

* * *

Илья тоже вытащил из подсумка свой монокуляр, настроил оптику и попытался рассмотреть темный сгусток. Получилось – не очень. Загадочное пятно просто стало ближе, больше и шире. А еще... Внутри вроде бы еще начало угадываться какое-то смутное мельтешение.

Ну и что бы это могло быть?

– Странная тучка. Думаешь, твари бегут от этого? – спросил Илья, отняв монокуляр от противогазной маски.

– А никакой другой причины я пока не вижу, – отозвался Казак. Он тоже опустил бинокль. – И уж если от этого бегут даже ТАКИЕ твари...

Казак бросил взгляд вниз, на свой смятый броневилок. Да уж, мутанты, способные раздолбать бронированную машину, абы от чего не побегут.

– Если из города улетают «черные пилоты», уплывают жабоголовые, а вурдалаки сами закапываются в кладбищенскую землю... – задумчиво продолжал он. – В общем, Колдун, боюсь, как бы и нам всем тоже не пришлось еще глубже зарываться.

– Ты это о чем? – Илья удивленно посмотрел на сталкера.

– А ты не слышал, что жукоеды у себя на синей ветке откопали? – повернулся к нему Казак.

Жукоедами обитатели красной линии Ростовского метро называли жителей недостроенной и перенаселенной синей ветки, которые нашли эффективный, но весьма неаппетитный способ решения продовольственной проблемы. «Синие» разводили насекомых, которые составляют их основной рацион питания, так же, как «красные» культивировали грибы на подземных плантациях.

– Ну и что же они нашли такого интересного? – спросил Илья.

– Подземелья под метро. Там у них вроде бы целые лабиринты вниз уходят. Неплохое убежище, в общем.

– Подземелья под метро, говоришь? – Илья скептически хмыкнул.

– Во-во, – энергично закивал Казак. Его противогазный фильтр зашуршал о защитный костюм. – «Синие» их так и называют: «подметро». Для жизни оно годится вполне. Воздух есть. Вода чистая сочится.

– «Синие» рады, наверное, – предположил Илья. – Я слышал, они там чуть ли не на головах друг у друга живут. Теперь хоть расселятся.

– Были рады, – усмехнулся Казак, – пока люди в подземельях пропадать не стали.

– В смысле?

– А в прямом. Кто спускается вниз – наверх уже не поднимается.

– Сказки, наверное, – отмахнулся Илья.

– Ну, сказки не сказки, а «синие» сейчас как раз собирают опытных бойцов. Хотят провести полномасштабную разведку. Желающих, правда, у них самих немного осталось. Так жукоеды уже приглашают сталкеров-добровольцев с красной ветки.

– Чушь! – фыркнул Илья.

Сказать, что отношения между более-менее благополучной красной и неустроенной синей ветками Ростовского метро были напряженными, – значит ничего не сказать. Единственный перегороженный с обеих сторон блокпостами переход, связывающий красную Ворошиловскую и синюю Пушкинскую, в последнее время часто становился местом ожесточенных приграничных стычек. И хотя на поверхности сталкеры с разных веток хранили негласное перемирие (здесь хватало общих врагов), под землей тлела неугасающая вражда.

– Никакая это не чушь, Колдун, – покачал головой Казак. – Жукоеды даже заплатить обещают.

– Чем? – усмехнулся Илья. – Личинками? Съедобными тараканами? Это ж те еще босяки!

– Патронами.

– Да не могли «синие» «красным» такого предложить!

– Мне предлагали, – ткнул себя кулаком в грудь Казак. – Лично мне.

Илья недоверчиво глянул на него:

– Ну а ты чего?

– Сказал, что подумаю.

– И как, надумал?

Казак снова посмотрел в бинокль на маячившее вдали темное пятно:

– Теперь – да. Надумал. Сейчас пойду в метро – на Орджоникидзе или Сельмаш.

– Пойдешь?

– Ну да. Машины-то больше нет. Расскажу людям, что творится в городе. По красной ветке доберусь до Ворошиловской. Там – перейду к «синим». Посмотрю, что за катакомбы такие жукоеды отрыли. Ну а потом к своим, на Западный, как-нибудь попробую проваться. Что-то подсказывает мне, Колдун: осваивать надо срочно эти подземелья, причем всем метро, сообща. Вот печенками чую! Может, со мной пойдешь?

– Нет, – отрезал Илья. – У меня других дел хватает.

– Да каких других-то? – раздраженно тряхнул противогазом Казак. – Ты совсем на своей мести помешался, что ли?

– Пасть закрой, – огрызнулся Илья. – Не касайся того, что тебя не касается, понял? Сказал: не пойду – значит, не пойду.

– А ты все-таки подумай хорошенько. Чем бы ни была эта туча, – Казак кивнул в ту сторону, откуда бежали мутанты, – она скоро накроет твой Аэропорт. Тебе уже сейчас нет смысла туда возвращаться.

– Я обещал вернуться, – угрюмо отозвался Илья.

– Кому?

«Оленьке. Сергейке...»

– Не твоё дело, Казак. С тобой я не пойду – и точка. И зарываться еще глубже в землю, как вурдалак какой-нибудь, – не стану.

– Ну, как знаешь... – Казак глянул вниз. – Тогда давай спускаться и – разбегаемся. Твари вроде убрались уже.

Улица под ними действительно была пуста.

* * *

Они разошлись там же, у подъезда. Казак двинул на запад – к метро. Илья направился в сторону аэропорта.

Увы, как вскоре выяснилось, путь домой был отрезан. Со стороны Новочеркасского шоссе все еще шли мутанты, а без патронов пробиться даже сквозь этот иссякающий поток не представлялось возможным. В конце концов Илья тоже решил свернуть к ближайшей станции метро – к Поселку Орджоникидзе: там можно было переждать, пока очередная волна тварей схлынет окончательно.

Однако подступы к Орджоникидзе тоже оказались перекрытыми. Возле самой станции Илья едва не наткнулся на большую группу мутантов. К счастью, эти твари были больше озабочены собственным спасением, чем охотой. Судя по всему, они уже не надеялись сбежать от надвигающейся опасности и искали в плотной городской застройке укрытия, так что Илье удалось благополучно с ними разминуться.

Поплутав некоторое время по улицам, он вышел в сельмашевские районы и вскоре оказался на Площади Кобмайностроителей. Здесь вроде бы было тихо и спокойно. Мутантов поблизости не наблюдалось, и можно было немного передохнуть.

Илья огляделся.

Парк Островского после Войны изменился до неузнаваемости. Мутировавшая и сильно разросшаяся парковая флора выбралась далеко за пределы покосившейся ограды и уже захватила почти весь примыкавший к парку проспект Сельмаш.

Большие яркие цветы и огромные плоды манили в глубину губительной чащи. Огрызки старых многоэтажек гигантскими надгробиями торчали из могилоподобных завалов кирпича и бетона. Некогда помпезный Дворец культуры «Ростсельмаш» с отсутствующей крышей, потрескавшимися стенами и поваленными колоннами теперь отдаленно напоминал разрушенный античный храм. Из вздыбившегося и разошедшегося асфальта замусоренной площади перед ДК тянулись к свету сухие шипастые сорняки, колючий кустарник и уродливые деревца с кривыми стволами и узловатыми, похожими на змей ветками, покрытыми широкими мясистыми листьями и длинными иглами.

Посреди площади стоял памятник былому величию ростовского сельскохозяйственного машиностроения. Пока еще стоял, хотя выглядел уже весьма плачевно и больше смахивал на бесформенную грудку металлолома. Это был водруженный на постамент зерноуборочный комбайн. Постамент потрескался и оброс травой. Комбайн поржавел и покосился. Вот-вот рухнет...

Илья подумал о том, что по-хорошему здесь надо было бы поставить другую машину. Не сельскохозяйственную, а более достойную памятника в этом новом мире. Может, ее и поставили бы. Со временем. Если бы успели.

Илья вспомнил, как во время очередного финансового кризиса государство хорошенько вложилось в перепрофилирование «ростсельмашевских» мощностей. Деньги на поддержку предприятия выделили из бюджета, технологии купили за границей, на заводе в рекордные сроки установили забугорную сборочную линию, и всего несколько месяцев спустя «Ростсельмаш» наряду с привычной сельскохозяйственной техникой освоил выпуск совершенно новой, непрофильной продукции: подземных туннелепроходческих мини-комбайнов последнего поколения.

С конвейера сошла экспериментальная партия машин – маневренных, юрких и мощных. Их испытания, кстати, проходили здесь же, в Ростове, при строительстве метрополитена.

Собственно, именно благодаря запуску нового производства долгожданное метро появилось раньше запланированных сроков. До начала Войны метростроевцы успели проложить и оборудовать всем необходимым первую красную ветку, протянувшуюся под городом с запада на восток. Затем пробурили вторую – синюю, ведущую от центра города к Северному жилому массиву. Ну а потом...

Потом бабахнуло.

Поезда по Ростовскому метро так и не были пущены. Зато подземные станции и туннели – в том числе и недостроенная синяя ветка –годились ростовчанам в качестве бомбежища.

За развалинами ДК, в густой зеленке парка вдруг дернулись верхушки деревьев. Чей-то рев разнесся над пустой площадью как раскат грома. Но уже через пару секунд рев сменился пронзительным визгом. А еще через мгновение снова стало тихо. Судя по всему, какой-то крупный зверь попался в ловушку плотоядной растительности. Имелась в Ростове теперь и такая...

Происшествие в парке вывело Илью из задумчивости. Там, где бродит один мутант, могут появиться и другие, так что не стоило сейчас зевать по сторонам. Он зашагал прочь от опасной чащобы. До станции метро Сельмаш было уже рукой подать.

Илья знал, что будет делать дальше. Из Сельмаша по подземному туннелю можно дойти до Орджоникидзе. А когда все мутанты наконец покинут город или попрячутся, то и до Аэропорта он как-нибудь доберется поверху.

Илья очень надеялся, что под тучу, от которой бегут все твари, он не попадет и успеет проскочить домой.

К Оленьке.

И к Сергейке.

Глава 4. Инженер

– Так говоришь, Колдун, мутанты покидают город? – Два прищуренных глаза смотрели на Илью, как два прицела.

Небольшой закуток возле эскалаторов станции метро Сельмаш был обставлен не по-жилому, а по-кабинетному. Стол, пара стульев, притащенный откуда-то офисный шкаф. На столе горела керосинка, освещавшая не столько хозяина помещения, сколько гостя. Илья чувствовал себя в неярком свете керосиновой лампы как под прожектором.

Начальник Сельмаша по прозвищу Инженер, лысый, крупный, ширококостный мужик лет сорока с огромными лапищами-лопатами и с кривой ухмылкой на лице, которая, казалось, так и кричала «Даже не пытайтесь меня обмануть!», держался в полумраке и вел себя как какой-нибудь следак во время допроса. Это раздражало. Илья уже начинал жалеть, что вообще сюда пришел.

– Да, именно это я и говорю, – устало произнес Илья. – Мутанты уходят из Ростова. А если кто и остается, то хорошенько прячется.

Дверь в кабинете-службе была закрыта. Духота в маленьком тесном помещении стояла такая, что пот лился градом. От лампы сильно воняло керосином и копотью. Хотелось встать и поскорее убраться отсюда. Однако поскорее не получалось.

– И ты утверждаешь, что видел какую-то тучку, от которой якобы драпают твари? – Инженер задавал этот вопрос уже в третий или в четвертый раз.

– Я не знаю, туча это или не туча, но МНЕ КАЖЕТСЯ, что твари драпают именно от нее, – процедил Илья.

Инженер глубокомысленно кивнул, словно не замечая его раздражения.

– Мы тоже обнаружили, что мутанты в последние дни ведут себя м-м... несколько странно, но чтобы они от чего-то бежали... Не знаю, не знаю...

Илья вздохнул:

– Мое дело – предупредить. И я свое дело сделал.

Он поднялся с расшатанного колченогого стула. Чего сидеть-то, в самом деле? Сколько можно переливать из пустого в порожнее?

Сильная рука перехватила его за локоть.

– погоди, Колдун, не спеши. Мы не закончили.

По станции разнесся пронзительный вой фрезерного станка. Инженер, выругавшись, распахнул дверь. Раздраженно крикнул куда-то в освещенное кострами пространство:

– Прекратить работу! Я же просил!

– Дык не успеваем, Инженер! – пробасил кто-то. – Диаспорский заказ в срок не сдадим. Им еще два торговых ролета собрать нужно.

– К черту! Полчаса погоды не сделают. У меня важный разговор. Так что – не мешать!

* * *

Фреза стихла.

Инженер хлопнул дверью и снова уселся на свое место. Помолчал немного, глядя исподлобья. Потом заговорил снова:

– Значит, так, Колдун. Я тебя внимательно выслушал. А теперь давай кое-что объясню. Сегодня я потерял тройку сталкеров. Все трое ушли в сторону аэропорта. Потом пропали еще двое, отправленных туда же на их поиск.

– Сочувствую.

– Пять человек за день – ощутимая потеря для станции. Но сейчас речь не об этом. Ни первая, ни вторая группа не сообщали ничего похожего о том, что рассказываешь ты. А у них, между прочим, были рации. И у гермоворот дежурит пост, который принимает все сообщения сталкеров и незамедлительно докладывает мне.

– Если твои сталкеры ничего не сообщили – значит, не успели, – пожал плечами Илья. – Я сам едва убрался с пути тварей. Мутанты валили сплошной волной и...

– Да слышал я уже, – поморщившись, махнул рукой Инженер.

– Не веришь мне – Казак может все подтвердить.

– Правда? – Инженер усмехнулся. – Но его почему-то здесь нет. Вот жалость-то, а? Ты есть, а его – нет.

Илья нахмурился:

– Вообще-то, когда мы расстались, Казак сразу пошел в метро.

Да только, судя по всему, не дошел.

Ни до Сельмаша, ни до Орджоникидзе. Задерживаться в орджоникидзевских притонах он бы точно не стал, и за то время, пока Илья бродил наверху, Казак напрямую, по туннелям, уже добрался бы до сельмашевской станции. Однако здесь его не видели.

– Он пешочком пошел, да? – Язвительная улыбочка не сходила с губ Инженера. – Бросил броневик и потопал на своих двоих. Без патронов, с одной шашкой. Как-то нескладно все у тебя получается, Колдун.

– Я же говорил: патроны у нас кончились, а его машину мутанты угробили.

– Ага, – снова недоверчиво хмыкнул Инженер, – говорил. О тварях, от которых даже броня не спасает. А зачем вы вообще с Казаком разбежались, а, Колдун? Вдвоем ведь безопаснее было бы. Пришли бы к нам вместе.

– Инженер, ты меня чем слушал?! – вспыхнул Илья. – Я до Аэропорта добраться хотел. А у Казака дело было.

– Ну да, ну да, – продолжал холодно улыбаться ему в лицо начальник станции. – «Синие» Казака пригласили. По подземельям своим пошариться. За патроны. Сам-то веришь в то, что сочинил?

Да, в такое поверить трудно, но...

– Какой смысл мне врать? – устало спросил Илья.

– А такой. – Инженер вдруг перестал улыбаться. Голос его зазвучал сухо и угрожающе. – Все ведь могло быть и по-другому.

– Как по-другому?

– Ну, смотри... Ты приходишь ко мне и начинаешь тут травить байки про драпающих мутантов, про Казака, у которого разбили броневик, про какую-то тучу на горизонте. При этом в автоматном рожке у тебя нет ни одного патрона, а ствол еще пахнет порохом.

– И что в этом странного?

– В том-то и дело, что ничего. Всей ветке известно, что ты помешался на мести мутантам.

– Ну и? – Илья сжал кулаки. Он не любил, когда об ЭТОМ говорили так...

– А трудно, наверное, мстить, когда нет патронов, да? – Инженер сверлил его глазами. – У тебя ведь с боеприпасами вечные напряжения, верно?

Илья не ответил. Он никак не мог понять, к чему клонит Инженер.

– Мои сталкеры были хорошо экипированы, но если подкараулить их из засады... Ты же хорошо знаешь все окрестности возле аэропорта.

Теперь Илья понял.

– Ты чего, Инженер? Хочешь сказать... что я... твоих людей?..

– А почему я должен исключать такую возможность? Сталкеров замочил, оружие и патроны где-нибудь заныкал. Снарягу тоже припрятал – на обмен. Пять комплектов – это

ж совсем нехило получается. Считай, проблема с боеприпасами решена. До-о-олго мстить мутантам можно будет.

– Бред! А зачем я тогда сюда пришел?

Инженер пожал плечами:

– Пока не понимаю. Может быть, тебя просто мутанты загнали. А может быть, ты надеялся, что ни у кого и мысли не возникнет заподозрить в убийстве человека, который сам явился на станцию убитых.

– А ты, значит, заподозрил?

– А я заподозрил.

Секунду или две они смотрели друг другу в глаза.

– Подозрительный ты слишком стал, Инженер.

– Ну так... – Начальник Сельмаша развел руками. – Иначе и не выживешь. Всех сейчас нужно подозревать – и орджоникидзевских, и диаспорских, и центровых, и западных, и «красных», и «синих»... А такие психи-одиночки, как ты, Колдун, они вообще самые подозрительные.

Илье захотелось врезать по этой наглой самоуверенной морде. Сплеча. От души.

Может, и не сдержался бы, но в дверь тихонько постучали.

– Ну? – недовольно рявкнул Инженер.

Дверь приоткрылась. В станционную служебку заглянула усатая физиономия. В свете керосинки тускло блеснул автоматный ствол.

– Слышь, Инженер, там того...

– Что?

– Дрезина с Орджоникидзе проездом.

– И?

– Диаспорские с гулянки возвращаются.

– Скажи им, заказ скоро будет готов. Мы сами доставим. Пусть катятся дальше.

– Не-е. – Усач покачал головой. – Они чего-то рассказать хотят. Важное, говорят.

– А подождать никак нельзя?

– Никак. Торопятся очень.

Инженер сплюнул:

– Ладно, зови сюда. Или нет... – Он покосился на Илью. – Сейчас сам выйду. А ты присмотри пока за Колдуном. Мы с ним еще не договорили.

* * *

Инженер вернулся минут через двадцать. Мрачный, озадаченный и озабоченный.

Илья молча наблюдал за ним. Снаружи донесся стук колес проехавшей по станции дрезины.

– Ты это... извини, Колдун, – глухо пробормотал Инженер. – Подтверждается твоя информация. Зря я на тебя наехал.

Илья насторожился. Обида ушла, пришла тревога.

– Что случилось?

Начстанции тяжело опустился на стул.

– До Орджоникидзе твоя тучка уже добралась – вот что.

«Быстро», – подумал Илья. И мысленно прикинул: если Орджоникидзе уже накрыло, то и Аэропорт наверняка тоже. Только что накрыло-то?

– Диаспорские там в притонах оттягивались, – продолжал Инженер. – Видели, как с поверхности орджоникидзевский сталкер спустился. Только один человек из всей группы уцелел. И этот уцелевший такое понарассказывал, что диаспорские и о выпивке, и о девоч-

ках забыли. Сразу к своим сдернули. Ну и меня по пути предупредили, чтобы станцию не открывал.

– Да в чем дело-то, Инженер?! – потерял терпение Илья. – Что диаспорские сказали? Инженер вздохнул:

– То, что ты видел, Колдун, – это не туча, не дым и не пыльная буря.

Илья ждал продолжения.

– Это рой.

– В смысле?

– В смысле – насекомые. Так говорят...

Илья удивленно посмотрел на Инженера. Выходит, мутанты спасаются от каких-то букашек? В глазах Инженера отчетливо проступали тоска и страх. Почему?

– Что еще говорят? – спросил Илья.

– Здоровенные, говорят. Каждая тварь – чуть ли не с человека. Жрут все подряд. Похожи на муравьев, только летающих. Вернее, прыгающих... ну... планирующих, типа... с крылышками... – Инженер издал нервный смешок. – Еще на саранчу очень похожи. В общем, что-то среднее между муравьями-переростками и гигантской саранчой. Муранча, короче. Орджоникидзевские так их и называли.

«Муранча... – Илья поежился. – Неприятное какое-то словечко».

– И много ее? Муранчи этой?

Неуместный вообще-то вопрос. Судя по тому, что он видел...

– Тьма. – Инженер изобразил слабую улыбку на побледневших губах. – Орджоникидзевский сталкер сказал, что все небо шуршало.

Илья задумался.

Судя по всему, возвращение в Аэропорт теперь откладывается на неопределенный срок.

– Я отправил наверх пару наблюдателей, – вновь заговорил Инженер. – Может быть, до нас муранча еще и не доберется, может, остановится на Орджоникидзе, может, стороной пройдет...

Может, может, может... Голос Инженера звучал не очень-то уверенно. Да и Илье в подобный расклад верилось с трудом. Что-то подсказывало ему: этому рою нужен весь город. Целиком. Одним поселком Орджоникидзе муранча вряд ли ограничится. Илья поймал себя на том, что думает о рое как о чем-то, обладающем разумной волей, – будто об одном громадном существе. Не рой, а Рой. С большой буквы.

В станционной службе повисла тягостная пауза.

Инженер поднялся и принялся расхаживать по тесному помещению взад-вперед.

– Хорошо, если бы летающие мутанты двинули на юг, за Дон, – негромко, словно разговаривая сам с собой, прикидывал Инженер. – Или если бы эта... мур-ранча... свернула в сторону Чкалова, Темерника и Северного... Нас бы стороной обошло...

Илья вздохнул. Ну и кого ты пытаешься успокоить, Инженер? Себя? Начальник сельмашевцев напоминал ему сейчас шамана, прыгающего с бубном вокруг костра. Только ведь этими «если бы» много не нашаманишь.

Снова раздался стук в дверь. И снова на пороге возник все тот же усатый автоматчик. Лицо его было встревоженным, если не сказать – перепуганным.

– Что там еще? – нахмурился Инженер.

Усатый указал взглядом вверх и произнес лишь одно слово:

– Наблюдатели...

Потом опасливо покосился на Колдуна, не решаясь продолжать при чужаке.

В желтом свете керосиновой лампы видно было, как побледнел Инженер.

– Как? Уже?

Усатый нервно кивнул.

– Подожди, – не оборачиваясь, бросил Инженер Илья и пулей выскочил из служебки.

На этот раз начстанции так торопился, что не потрудился даже плотно закрыть дверь. Ударившись о косяк, она немного приоткрылась.

Далеко отходить Инженер с усачом не стали. Сквозь щель до Ильи доносились обрывки фраз.

– Муранча... Сельмаш... – взволнованно говорил автоматчик. – Наблюдатели... видели... не успели... оба... там...

Потом заговорил Инженер. Тихо, быстро и неразборчиво.

А еще пару секунд спустя на станции поднялась суета. Забегали люди. Зазвякало железо.

– Задраить внутренние гермовороты! – перекрывая топот и гомон голосов, прозвучал чей-то приказ.

Что-то лязгнуло и противно – до боли в зубах – заскрежетало на всю станцию металлом о металл.

«Хреново, – подумал Илья. – Если сельмашевцы закрывают вторые гермовороты, значит, дело дрянь».

* * *

В служебку вернулся Инженер. Сел на стул – как упал.

– Муранча уже на Сельмаше, – обреченно выдохнул он. – И похоже, движется дальше. Огромные такие твари с крыльями. Действительно, какая-то жуткая помесь муравьев и саранчи. И много их... Кружат в воздухе так, что неба не видать. Короче, все, что рассказали диаспорские, – правда. Но самое скверное то, что мутанты эти – хорошо организованы и умеют действовать сообща. Наблюдатели разглядели, как муранча тащит по воздуху какую-то гусеницу-переростка размером с поезд.

– Гусеницу? С поезд? – удивился Илья. Такие мутанты по Ростову еще не проползали.

– Ага. Муранча облепила ее со всех сторон и летит вместе с ней. То поднимет в воздух выше домов, то опустит на землю. Вот так и перетаскивает...

– И что бы это значило?

– Понятия не имею. И наблюдатели толком не разглядели. Добыча, наверное. Видать, муранча отловила какую-то тварь, но сразу сожрать не смогла, а бросить – жалко. Вот и тягает с собой.

Илья поежился:

– Твои наблюдатели точно это видели?

– Да, – помрачнел Инженер. – Видели. Сообщили по радиации на пост у гермоворот.

– А сами-то они вернулись?

Инженер отвел глаза:

– Не успели. Я потерял еще двух человек.

Помолчав немного, Инженер продолжил:

– Муранча наступает слишком быстро. Двигается широким фронтом. Занимает дома. Кому не хватает места – те прут дальше.

– Занимает дома? – Илья насторожился. – Это еще зачем?

Инженер невесело усмехнулся:

– Полагаю, что уходить в ближайшее время эти твари не собираются. Боюсь, там... – Инженер ткнул пальцем вверх, – они теперь обоснуются надолго.

Илья встал.

– Ты чего, Колдун?

– Пора мне. Пойду.

– Куда?! – вытаращился на него Инженер.

– К себе. Домой. В Аэропорт.

– Совсем спятил?! Как ты туда доберешься?

Илья пожал плечами. Он и сам пока не знал.

– Сначала по метро – до Орджоникидзе, – пробормотал Илья. – Потом... Потом как-нибудь проскочу поверху.

– Как-нибудь? – невесело усмехнулся Инженер. – Один? Без патронов?

– Когда Рой уйдет, думаю, стрелять будет уже не в кого.

– А если не уйдет?

– Значит, буду ждать, пока муранча не уберется из города. Короче, не грузи, Инженер.

На Орджоникидзе что-нибудь придумаю.

– А тебе не один хрен, где пережидать – в орджоникидзевских притонах или у нас?

Илья не ответил. Наверное, Инженер прав: большой разницы не было. Но небольшая, махонькая совсем все же имелась: станция метро Орджоникидзе была ближе к Аэропорту, чем Сельмаш. А значит – ближе к Оленьке и Сергейке.

– Пойду я. – Упрямо нагнув голову, Илья шагнул к двери.

Инженер преградил ему путь.

– Никуда ты не пойдешь, Колдун, – решительно заявил он. – Останешься здесь.

– Это еще с какой стати? – опешил Илья.

– А с такой. Я объявил мобилизацию. С этой минуты станцию не покинет ни один человек.

Илья прищурился:

– Ну это мы еще посмотрим...

Илья мысленно прикидывал расстояние от служебки, где они находились, до туннеля, ведущего к Орджоникидзе. Дистанция, в общем-то, пустяковая. Прорваться можно. Даже без патронов. Если высадить сейчас Инженера вместе с дверью. Если сразу сбить с ног любого, кто окажется на пути. И если бежать быстро. Только бы сельмашевцы не перекрыли туннели решетками.

– Колдун, – уже мягче и дружелюбнее обратился к нему Инженер, – сегодня я потерял семерых человек. Мне могут понадобиться хорошие бойцы.

– Я не так хорош, как ты думаешь.

– Брось! – поморщился начальник станции. – Ты столько времени живешь один на Аэропорте. Любой другой на твоём месте давно бы скопытился. Так что не прибедняйся.

Илья раздраженно тряхнул головой:

– Ты меня не остановишь.

– Решетки остановят, – резонно заметил Инженер. – Я уже приказал изолировать туннели.

А вот это плохо! Это было очень плохо.

– Твою ж мать! – Илья в сердцах грохнул кулаком по столу.

– Успокойся, Колдун. Давай сделаем так. – Инженер перешел на деловой тон. – Ты остаешься здесь и, если возникнет необходимость, помогаешь мне. А когда все закончится... ну, если все закончится благополучно. В общем, тогда я с тобой за помощь рассчитаюсь. О цене сговоримся. Не обижу и не обману. Ты же знаешь – мое слово крепкое.

– Да пошел ты!

– Патронами рассчитаюсь, слышь? Тебе ведь нужны патроны? – Инженер улыбнулся. – В самом деле, какой мститель без патронов?

Илья хмуро смотрел на сельмашевского начальника. Да, патроны нужны были позарез. От охоты на мутантов он отказываться не собирался. Пусть эта кочующая муранча и

не даст ему пока высунуться из метро, но не навечно же она застряла в Ростове, в самом деле! А после ее ухода в город начнут возвращаться другие твари. Жабоголовые, «черные пилоты», «студенты», «вертолетчики», «китайцы», «ботаники»... Выкопаются из кладбищенской земли вурдалаки. Или появятся какие-нибудь новые мутанты, которые конечно же тоже виноваты в смерти Оленьки и Сергейки. Потому что если не виноваты они, в кого тогда стрелять? Как и чем тогда жить дальше?

– Орджоникидзе тебе такого предложения не сделают, – продолжал уговаривать Инженер. – У них и без тебя хватает бойцов и стволов. А боеприпасов мало. И со жратвой – напряг. Если дело затянется, лишние рты им на фиг нужны не будут.

Илья отошел в темный угол, куда не попадал свет керосинки. Прислонился лбом к холодному бетону. Зажмурил глаза.

– Оставайся, Илюша, – шепнула из темноты Оленька. – Оставайся здесь. Ты нужен нам живым.

– Пап, я подожду, правда... – слышался голос Сергейки.

Жена и сын снова были с ним, где-то здесь, рядом. Так стоило ли рваться на Орджоникидзе?

– Ты ведь еще не нашел для меня ничего интересного, пап.

– Оставайся, Илюша...

– Ладно, – пробормотал Илья, обращаясь к родным.

– Так ты согласен, Колдун? – Инженер бесшумно подошел сзади. – Значит, по рукам?

Илья открыл глаза и повернулся. В одной руке начальник Сельмаша держал керосинку. Другую протягивал Илье.

Илья промедлил еще секунду, глядя на широкую сильную ладонь. Потом вяло, без энтузиазма ее пожал.

– Ну, вот и славно! – выдохнул Инженер. – Чувствуй себя как дома. И еще раз прошу, Колдун, не держи на меня зла, лады?

Илья ничего не ответил: Инженер повернулся к двери и гаркнул в голос:

– Бульба!

На пороге вновь нарисовался давешний усатый автоматчик.

– Принимай пополнение, – распорядился Инженер. – Устрой бойца где-нибудь.

* * *

Бульба (как выяснилось, и имя у усатого сельмашевца вполне соответствовало прозвищу – Тарас) провел Илью через станцию. В распоряжение гостя была предоставлена одноместная палатка на самом краю платформы возле орджоникидзевого туннеля.

Свет станционных костров едва-едва сюда попадал. Вокруг царил приятный полумрак. Было почти уютно. Как дома почти.

– Здесь пока поживешь. – Бульба кивнул на свернутый спальник перед палаткой.

Илья сел на спальник.

– Тут раньше наш сталкер жил, – зачем-то добавил усатый.

«Наверное, один из тех, кто погиб сегодня», – подумал Илья.

– Хороший был мужик...

Бульба словно добивался, чтобы Илья хорошенько проникся мыслью о том, чье место занимает. Это напрягало. Хотелось, чтобы усатый сельмашевец ушел поскорее. Хотелось побыть, наконец, одному.

Увы... Присев рядом на голый бетонный пол, Бульба принялся рассказывать о том, какого кореша потерял. Хотя никто его, вообще-то, душу излить не просил. Илья вежливо кивал, лишь вполуха прислушиваясь к откровениям Бульбы и наблюдая за станцией.

Суэта уже улеглась. Подготовка к осаде закончилась. Все, что можно было сделать, сельмашевцы сделали. Теперь оставалось только ждать неизвестно чего. И ему, Илье, придется ждать вместе с этими людьми, хочет он того или нет.

На самом деле не хотел. Ну, то есть совсем. Только теперь Илья по-настоящему осознал, насколько отвык от человеческого общества. А залезть в палатку, зарыться с головой в чужой спальник и поговорить в темноте с Оленькой и Сергейкой ему мешал бубнивший под ухом Бульба.

Илья вынужден был молча кивать. Он смотрел вокруг.

Глава 5. Сельмаш

Станция Сельмаш не была похожа на другие станции ростовского метро. Конечно, здесь, как и везде, тоже имелось жилое пространство, уставленное палатками и отделенными друг от друга, как соты в улье, спальными местами, а вдоль стен высились многоярусные грибные плантации. Но при этом Сельмаш вызывал стойкую ассоциацию если не с полноценным заводским цехом, то, во всяком случае, с крупной мануфактурой. Словно скелеты диковинных мутантов из полумрака выступали электрогенераторы и небольшие станки. Местные мастера притащили их в разобранном виде из расположенных неподалеку ростсельмашевских корпусов, а затем заново собрали и установили уже под землей.

Значительная часть станционного пространства и примыкающих к Сельмашу туннелей была завалена слесарным инструментом, деталями и заготовками, о конечном предназначении которых можно было только догадываться. Под стенами валялся металлический лом, который либо еще не пустили в переработку, либо не успели вынести на поверхность как отработанный мусор. Из огороженных стальными листами завалов торчали трубы, куски арматуры, массивные чушки, ржавые и не очень фрагменты машин и механизмов. Со стен свисали тросы, цепи и крючья. Под ногами валялись мотки проволоки, обрезки кабеля и пучки оголенных проводов.

Из хлама, который тщательно выбирали и стаскивали сюда местные сталкеры или который сельмашевцы скупали по дешевке у соседних станций, со временем появлялись весьма нужные в нехитром хозяйстве метрожителей предметы.

Высокотехнологичных вещей здесь, конечно, не производили. Но простенькую продукцию из разряда «дешево и сердито» подземный Сельмаш изготавливал быстро, недорого, а главное, довольно качественно. Здесь могли также починить или выточить заново почти любую деталь или запчасть, которую не удавалось отыскать на поверхности.

Накрылся ротор электрогенератора? Износились запоры гермоворот? Полетел станционный вентилятор, или возникли проблемы с очистительным фильтром? Не хватает дырчатых коробов для грибных плантаций? Совсем «убился» ствол, а на новое оружие пока не заработал? Всей ветке было известно: с такими проблемами – прямая дорога на Сельмаш.

В первые годы после Войны, кстати, именно сельмашевцы извояли из подручных материалов несколько легких и удобных в эксплуатации дрезин и вагонеток, ставших впоследствии универсальным метротранспортом. Перекупленные по несколько раз одиночные рельсовые экипажи на ручной тяге и парные сцепки до сих пор исправно курсируют по красной ветке, хотя и принадлежат теперь разным станциям.

Разумеется, Сельмаш не бедствовал. Кроме мощной по меркам метро производственной базы сельмашевцы могли похвастаться и серьезной оборонительной системой. Созданной главным образом благодаря все той же материально-технической базе и золотым рукам местных умельцев.

Узкие отверстия вентиляционных шахт были забраны снаружи такими частыми защитными слоями решеток и сеток, что до фильтров добиралась только радиоактивная пыль, которая благополучно в них и задерживалась.

Выход на поверхность здесь закрывали тяжеленные гермовороты. Укрепленные толстыми бронепластинами, они способны были, наверное, выдержать натиск танка – не то что живой твари. Внизу, под эскалаторами, имелись не менее надежные внутренние ворота, также сваренные из бронелистов и запирающиеся в самые опасные моменты. Дополнительные ворота были снабжены бойницами, так что пара-тройка автоматных стволов способны были создать в замкнутом пространстве над эскалаторами убийственную мясорубку рико-

шетов. Трудно было даже предположить, что какой-нибудь мутант с поверхности способен прорваться сквозь такую преграду.

В глубине туннелей, ведущих от Сельмаша к Орджоникидзе и к диаспорским станциям, тоже располагались укрепленные огневые точки и стальные решетки, которыми в считанные секунды можно было перегородить подступы к станции. Эта защита была попроще. Она оберегала станцию не от мутантов, а от соседей, у которых чувство зависти к сельмашевскому благополучию однажды могло взять вверх над элементарной осторожностью.

Судя по словам Инженера, туннели уже были перекрыты решетками. Что ж, обычное дело: когда над метро нависает серьезная угроза – каждый сам за себя. Станции пытаются оградить свой мирок и выжить самостоятельно. О помощи соседям в таких случаях речи не идет – самим бы уцелеть.

* * *

Бульба наконец закончил рассказ о дружке-сталкере, место которого занял Илья. Однако не похоже было, чтобы усатый сельмашевец собирался уходить. Более того, к палатке на краю платформы подтянулось еще несколько человек. Чему Илья был уже совсем не рад.

Завязалась вялая беседа ни о чем.

«Какие все-таки болтливые создания люди, – с тоской думал Илья. – Как много слов произносится всуе, без всякого смысла и без малейшей надобности!»

Да, отвык он от людишек, сильно отвык.

Меж тем разговор плавно и как-то незаметно перешел на Илью. Стало ясно, что именно он притягивает сельмашевцев как магнит. Ну, еще бы! Чужак... Да еще такой! Отшельник-Колдун. Как же тут совладать с любопытством?

Хотя не в любопытстве, наверное, дело. Не только в нем, во всяком случае. Пустопорожний треп просто помогает снять напряжение и отогнать страх. Ни к чему не обязывающая болтовня позволяет хоть бы ненадолго отвлечься и не думать о главном – о том, что родной город прямо сейчас захватывают гигантские насекомые.

– Слышь, Колдун, – снова заговорил Бульба. – Как по-твоему, надолго муранча к нам пожаловала?

Нет, о муранче сельмашевцы не забывали ни на миг. Сидевшие кружком люди, умолкнув, ждали ответа от Ильи.

– Без понятия, – передернул плечами он.

В самом деле, откуда ему было знать о таких вещах? Однако блестящие в полумраке глаза отчего-то смотрели на него так, будто он знал.

– А правду говорят, что ты язык любого мутанта понимаешь? – вмешался в разговор молодой парень с длинными грязными волосами.

Патлатый глядел на него во все глаза.

– Врут, – буркнул Илья.

Ну что за бред, в самом деле?

Его ответа словно и не услышали.

– А еще про тебя рассказывают, будто ты заговаривать тварей умеешь, – снова подал голос Бульба.

Ах, вот в чем дело! Неужели сельмашевцы всерьез рассчитывают, что он выйдет сейчас наружу, по-быстренькому перетрет базары с муранчиным племенем и решит все проблемы? Может быть, и Инженер его на станции оставил именно поэтому? Так, на всякий случай – вдруг поможет...

– Умеешь, а? – не отставал Бульба.

– Не умею, – отрезал Илья.
– А как же ты тогда на Аэропорте один столько времени продержался? – В голосе Бульбы послышались обида и недоверие.
– Я не один, – вырвалось у Ильи.
– Что? – вытаращил глаза Бульба. – В каком смысле – не один?
Заинтересованно придвинулись остальные слушатели.
– Не важно. – Илья прикусил язык: не нужно им знать об Оленьке и Сергейке.
Однако недоговоренность только заинтриговала сельмашевцев.
– А еще говорят, тебя мутанты боятся, – снова нерешительно заговорил патлатый парень.
– Ну... – Илья мрачно улыбнулся. – Такое может быть. Теоретически.
Сколько тварей он уже замочил? Немало. Так почему бы им, в самом деле, его и не побаиваться?
– Ага, – торжествующе улыбнулся Бульба. – А если они тебя боятся, значит, ты можешь их и заговаривать, верно?
Странная логика. Вернее, выдавание желаемого за действительное.
– Неверно, – устало вздохнул Илья. – Брехня все это.
Разочарование окружающих он ощутил почти физически. Тяжелые охи, опущенные головы, потухшие взгляды... Ну да, надежда на могущество Колдуна рассеивалась как дым. Глупые люди! Неужели они не понимают: если бы он умел хотя половину из того, что приписывает ему молва, то не сидел бы сейчас здесь, с ними.

* * *

– Может быть, «синие» с муранчой справятся, – прозвучал после недолгой паузы чей-то хриплый голос.
Из полумрака показалось бородатое лицо. Какой-то пожилой сельмашевец подсел поближе.
– Ну, ты скажешь тоже, дядя Миша! – фыркнул Бульба. – Голодранцы-жукоеды против муранчи! И что они с ней смогут сделать?
– Сожрать, – нервно хихикнул патлатый парень.
Шутка не встретила понимания. Никто даже не улыбнулся.
Бородатый продолжил, словно не замечая скепсиса собеседников:
– «Синие» разводят себе на пропит насекомых, так?
– Ну, так, – согласился Бульба.
– У них коробка со съедобными букашками и червячками стоят повсюду, как у нас – грибные плантации, так?
– Фу, пакость! – поморщился Бульба. – Ну, предположим, стоят, и что с того?
– А то, что муранча – это ведь та же самая букашка, только большая.
– М-м-м... – Бульба задумался. – Ну, наверное.
– А если «синие» знают, как плодить всяких жуков, может, подскажут, чем их можно извести. Ну, там, отравы какая-нибудь или еще что. Они же это жучиное племя изучили небось как облупленных.
«Вообще-то дельная мысль, – подумал Илья, – если кому-то в метро и известно, как избавиться от муранчи, то только „синим“».
Однако сельмашевцы его оптимизма не разделяли.
– Ну да, так уж и изучили! – поморщился Бульба. – А вспомни этих... Летающих пираний, которые «синих» чуть не сожрали. Или гнус, что жукоеды у себя на ветке наплодили.
– Какие пирани? – вскинулся патлатый. – Какой гнус?

– Не слышал, что ли? – удивленно повернулся к нему Бульба. – Говорят, у «синих» в туннеле на каком-то перегоне завелись то ли мухи, то ли слепни, которые прямо из стены вылетают и за пару секунд человека до кости обглаживают. А потом обратно – в стенки туннеля зарываются и сидят, пока не проголодаются снова. В том туннеле никто не живет. Жукоеды по нему даже стараются лишний раз не проходить. А если посветить туда фонариком – скелеты видно.

– Ни фиги себе! – поежился патлатый. – А гнус – это что такое?

– Это – в другом туннеле. Там вроде боковой выход на поверхность есть. Но «синие» им вообще не пользуются. Он весь мошкаркой забит. Мелкая-мелкая такая, тучами вьется, на стенах и потолке сидит. Чем и как живет – непонятно. И почему гнус именно это место облюбовал – тоже никто не знает. Но человеку туда не зайти.

– Тоже сожрут?

– Ну, всего сожрать-то, может, и не сожрут. Это все-таки не летающие пираньи. Но глаза, говорят, гнус выест – и моргнуть не успеешь. А еще забивает уши, нос и глотку, так что не вдохнуть. И в самые потроха лезет, зараза.

– А если это... – Патлатый почесал затылок. – Защитный костюм надеть и противогаз?

– Не помогает, – авторитетно заявил Бульба. – Гнус окуляры залепит и фильтр забьет, так что по-любому ослепнешь и задохнешься на раз-два. И хоть гоняй эту мошкару, хоть дави ее – все равно каюк.

– И что, неужели эту пакость сами же «синие» на свою голову и развели?

– Ну... – Бульба замялся. – Вообще-то, наверняка сказать не могу. Может быть, конечно, насекомые в метро с поверхности пробрались. Но скорее всего это все-таки что-то у «синих» на жуциных фермах не сложилось, вот и повыводились какие-то мутанты.

Сельмашевские умолкли. Но тишина длилась недолго.

– А я тут еще одну историю недавно от диаспорских слышал, – снова осторожно заговорил патлатый парень. – Тоже про синюю ветку.

«Ну кто бы сомневался», – подумал Илья.

Самые нелепые и невероятные байки о метро были связаны с ней. Вероятно, потому, что эти рассказы проверить труднее, чем какую-нибудь страшилку о красной станции. Сам Илья всем этим слухам не особенно верил. О нем, как выяснилось, тоже ходят та-а-акие слухи... И язык мутантов, мол, понимает, и тварей заговаривает...

– Что за история? – Бульба заинтересовался заявлением патлатого.

– Говорят, – сдавленным голосом начал тот, – будто на синей ветке есть места, где темнота человека убить может.

– Как это?

– А вот так. Идешь-идешь по туннелю, а потом свет у тебя вдруг гаснет сам собой. И не важно, с чем идешь – со свечой, с факелом или с фонариком. Один хрен – темнота как колпаком все вокруг накрывает. И густая такая – ну прямо глаз коли!

Сельмашевцы слушали разинув рты. Видимо, байка была из новых.

– И там уж хоть фонариком щелкай, хоть зажигалкой, хоть спичку чиркай – все равно света больше не будет. А потом... потом...

Похоже, рассказчик напугал сам себя. Парень судорожно сглотнул, опасливо покосился в непроглядный туннельный мрак за краем платформы. Но все-таки продолжил:

– Потом, короче, темнота начинает уплотняться, наваливается на грудь, на лицо, как матрас. Прижимает к полу, к стене или прямо на месте обволакивает и начинает давить.

– И что? – спросил Бульба.

Патлатый передернул плечами:

– В общем, человек с места сдвинуться уже не может и в конце концов задыхается.

– Может, это и не темнота вовсе? – предположил бородач дядя Миша. – Может, тварь какая?

– Не-е-е, – замотал космами парень. – Тварь хоть кусочек бы да откусила. Иначе зачем ей вообще нападать? А так трупы находят нетронутые. Только глаза выпучены и язык – наружу.

* * *

Дослушав сбивчивый рассказ патлатого, Илья решил, что с него на сегодня, пожалуй, хватит. Он уже потянулся к спальнику с твердым намерением вползти в палатку и отгородиться, наконец, от назойливых сельмашевцев. Благо те на время забыли об оказавшемся бесполезным чужаке Колдуне и затеяли беседу между собой.

Именно в этот момент снова заговорил Бульба. Причем заговорил на тему, которая Илью заинтересовала.

– А про подземелья, которые жукоеды откопали, слышали? – понизив голос, спросил усач.

Илья насторожился. Подземелья, обнаруженные «синими», не были похожи на очередную страшилку. Казак о них рассказывал тоже.

– Подметро, что ли? Слышали, конечно, – закивал патлатый парень. – Вроде лабиринт там у них. Большой, как целый город, и куда-то на глубину уходит. Но жить в нем можно.

– Ага, только «синих» кто-то в этом самом подметро гасит почему зря, – вставил свое слово дядя Миша. – Стены там, говорят, сжимаются и давят людей, а то, что остается, – втягивают в себя.

– А я другое слышал, – растерянно пробормотал патлатый. – Будто там зомби бродят.

– Брось, – отмахнулся бородастый сельмашевец. – Откуда там зомбьям-то взяться? Это ж не Северное кладбище. Никого там не хоронили. Сейчас все трупы на поверхность вытаскивают...

Бородач осекся, покосившись на Илью. «Почти все» – читалось во взгляде сельмашевца. Но хорошо, у дяди Миши хватило ума не ляпнуть вслух какую-нибудь глупость об Оленьке и Сергейке, похороненных на Аэропорте. Неловкая заминка осталась незамеченной другими участниками разговора. Или они просто сделали вид, что ничего не заметили.

– Ну-у, я не знаю... – протянул патлатый. – Мало ли... Говорят, будто зомби...

– Кто бы или что бы там жукоедов ни убивало, вряд ли это страшнее, чем муранча, – снова взял слово Бульба. – Иначе вся синяя ветка уже повымирала бы на фиг. Да и нашей бы тоже досталось.

– Вообще-то да, – согласился дядя Миша. – Тут ты прав.

– И я вот чего думаю... – продолжил усач. – Сельмаш-то мы удержим. Но если эти твари, – Бульба ткнул пальцем вверх, – прорвутся на какую-нибудь станцию, туннельные перегородки могут их и не остановить. А тогда...

– Что тогда? – вскинулся молодой и патлатый.

– Тогда подземелья синих – наша единственная надежда и последнее убежище.

«А ведь о чем-то подобном говорил и Казак, – подумал Илья. – А когда к разным людям приходят одинаковые мысли, может, это правильные мысли?»

– В случае чего – всем придется отступать туда, – продолжал Бульба. – Там можно замуроваться и переждать. Не навсегда же муранча в городе обосновалась. Сожрет все и уберется куда-нибудь.

«В случае чего», значит... Похоже, упаднические настроения уже овладевают станцией. А что будет через день? Через два? Через неделю?

– А как же жукоеды? – спросил патлатый.

– Что жукоеды? – уставился на него Бульба.
– Ну, вдруг они нас к себе на ветку пускать не захотят.
– Не пустят – подвинем и сами пройдем.
– Тогда – война, – вздохнул дядя Миша.
– А хоть бы и так! – Бульба обвел взглядом собеседников. – Вы бы с кем предпочли дело иметь – с жукоедами или с муранчой?
Никто не ответил. Ответ и так был очевиден.
Разговор как-то стих сам собою. Люди начали расходиться.
И слава богу.

* * *

Палатка погибшего сталкера оказалась плотной и уютной. Свет снаружи сюда не проникал. Голоса сельмашевцев тоже стихли. Хозяева станции, окончательно утратившие интерес к Илье, расплзлись по своим углам. Люди громко не разговаривали. Ощущение было такое, будто находишься в большой братской могиле, где тебе отведен укромный закуток.

Укутавшись в чужой спальник и закрыв глаза, Илья размышлял о подземных ходах, обнаруженных «синими»... Подметро жукоедов никак не выходило из головы.

– Туда тебе надо идти, Илюша, – шепнул в ухо тихий голос Оленьки. – На синюю ветку. В подземелья подметро. Как только представится такая возможность – не упускай ее, иди.

– Но зачем?

– А зачем тебе умирать? Мы с Сергейкой умерли. Нет в этом ничего хорошего, уж поверь.

– Ну почему же сразу умирать-то, Оленька?

Она вздохнула. Илья слышал звук ее голоса возле самого уха, только дыхания не ощущал.

– Потому что в метро скоро будет много смерти. Мы чувствуем это. И нам не хочется, чтобы смерть забрала тебя.

– Да, пап, правда, уходи отсюда, – заговорил с другой стороны Сергейка. – Нам тут страшно.

Кажется, Сергейка даже всхлипнул.

– Вам страшно? – удивился Илья.

– Конечно, Илюша, – опять Оленька. – Мы всегда там, где ты. И где страшно тебе, там и нам не по себе тоже.

– Мне не страшно, – соврал Илья. – И вам бояться нечего.

А лгать не стоило. К чему? Оленька и Сергейка все равно видят его насквозь.

– Уходи, Илюша, – еще раз то ли попросила, то ли посоветовала мертвая жена. – Тебе к «синим» нужно идти. Просто нужно, и все.

«Просто нужно». Что она имеет в виду?

– Ты о чем, Оленька?

Кто-то дернул полог палатки.

Оленька и Сергейка умолкли.

– Колдун! – раздался голос Бульбы. – Ты с кем разговариваешь?

– Ни с кем, – буркнул Илья. – Тебя не учили, что входить без спроса невежливо?

– Ой какие мы стеснительные! – фыркнул усач. – Колдуешь, что ли?

Послышалось негромкое жужжание. Темноту разрезал свет диодного фонарика-«жучка» с ручной подзарядкой. Холодный синий луч, показавшийся с непривычки ослепительно ярким, зашарил по палатке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.